

ТАТЬЯНА ЗОЛОТАРЕНКО

ДЕРЖИСЬ ЗА НЕБО

ПОЛЁТ
ДУШИ

16+

Татьяна Золотаренко

Держись за небо. Полёт души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55805810

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-95891-3

Аннотация

Начать жизнь с нуля! Не терять больше ни минуты! Найти в шумной столице маленький уголок с кусочком неба вместо потолка и тихонечко, незаметно для завистливых глаз чувствовать себя счастливой...

Ха! Такая цель не для стихии по имени Света Потёмкина. Сегодня эта девчонка – сплошное уныние, завтра – вдохновитель на подвиги. А у Кости Ордынцева нет желания вникать в загадки женской души, у самого в жизни – хоть волком вой. И он отмахнулся бы от этого ходячего безумия, если бы не общая мечта: научиться взлетать вверх к счастью, освободив душу от приземляющих обид и проблем. И на своём нелёгком пути Костя и Света то объединяются в борьбе против врагов, то соперничают друг с другом.

Содержание

Глава 1. «Наверное, ты краснеешь за меня перед ангелами на Небесах»	4
«Заключенные в браке друзья»	4
«Целесообразными могут оказаться самые безумные вещи»	29
«Прости меня, родная моя»	43
«Переживёт стресс и оклемается»	52
Глава 2. «Когда разведёмся, планирую расправить крылья и полететь»	63
«Мозг, отключись! Сердце, умолкни!»	63
«Хотелось быть женщиной, ничего не решающей»	72
«Меня оно не касается»	86
Глава 3. «Вы были в космосе?»	96
«Я только что спас вам жизнь, правильно понимаю?»	96
«Вышла из того возраста, когда верят в принцев»	121
«Значит, мне удалось выделиться из толпы»	130
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Татьяна Золотаренко

Держись за небо.

Полёт души

Глава 1. «Наверное, ты краснеешь за меня перед ангелами на Небесах»

«Заключенные в браке друзья»

Низкий спорткар, мчась по автомагистрали, лихо обходил «черепашьи» седанчики и оставлял на скорости размытый силуэт цвета «мокко». Прочие участники движения реагировали возмущенным сигналом и прижимали свои колымаги к обочине, сетуя на пренебрежительное управление дорожного агрессора.

Отвлекаясь от дороги, водитель улыбался спутнице и заманчивому предложению пойти на вечеринку друзей в качестве ее ухажера.

- А если я надену твое любимое платье, ты согласишься?
- Я подумаю, – рассмеялся он, бегло глядя, как та припод-

нимает и без того укороченную юбку до самого бедра. – Так-так, прекрати, Кисонька, я ведь за рулем!

Его последний ироничный возглас внезапно сопровождал длинный предупреждающий гудок со стороны и, бросив взгляд в зеркало заднего вида, Костя понял, что проехал перекресток на «красный». Нехорошо. Но не страшно: водитель должен владеть инстинктами.

– Так, дорогуша, – вдруг строго нахмурился он. – Только сейчас обратил внимание... Построже одевайся на работу, будь добра. Создай вид ответственной особы. Ты первая, кого я трудоустроил в компанию и очень не хотелось бы выслушивать нотации от главбуха. Окей?

Та только скрутила губы трубочкой и уткнулась в зеркальце, проводя по ним блеском.

– И помада яркая слишком! Слышишь? – едва сдерживая смех, пытался возмутиться он. Девчонка вырядилась будто на корпоратив, но никак не в офис в первый рабочий день.

– Дорогой, не будь занудой! – откинув голову, заливисто смеялась та. – Тебе это не...

Ордынцев сощурился в настороженном ожидании.

– Ой, Ко-о-остенька, – вдруг услышал он. – Я помадой тебе кресло выпачкала...

Едва сдержав в себе порыв негодования, он бросил в спутницу наигранно прощающий взгляд.

– Ну что ты, Кисонька моя?! Не страшно! Это всего лишь машина, – и, выключив зажигание, указал на главный вход в

офис. – Уже была тут, разберешься. Не забудь, что ты – сестра моего хорошего друга. Коллеги тебя сейчас начнут допрашивать и ловить на лжи, чтобы выяснить, чье ты протеже. Такой у наших девочек стиль знакомства. Конкуренция по выпендрёжу серьезная. Справишься, дорогая моя?

– Я все помню, – кивнула послушно светлая шевелюра и выпорхнула из авто. – До вечера, милый.

– Как можно быть такой криворукой? – гневно выпалил он, осматривая освобожденное пассажирское сиденье. Костя не переносил, когда портили его вещи. И зачастую выходил из себя от подобной неряшливости. – Теперь езжай, Костенька, в химчистку. Блин!

На бегу всунув в руки охраннику у порога ключ, карту и деньги, он взглянул на бейдж, чтобы понять, с кем имеет дело, – сотрудников в офисе несколько сотен (исключая обширный торговый отдел и филиалы по стране), всех не упомнишь.

– Дмитрий, будьте добры, организуйте моей машине химчистку салона.

Игнорируя вспыхнувший в глазах счастливого радостный блеск, будто его обладатель выиграл в лотерею, Костя прошел к лифту, нервно поглядывая на часы.

Так. Он опаздывает. И этого он тоже не любит. Катастрофически!

Как-то затянулось все с этой Надей... Что за особа? Познакомились они месяц назад на вечеринке, ну и закрути-

лось. Да вроде не глупа. Зациклена, как и многие женщины, на шмотках, но не глупа, в отличие от большинства его бывших «курочек». Может, он и правда торопится, но вроде как постоянства уже хочется. Ведь уже давно за тридцатник. Время. Присмотрится еще к этой криворукой, да может, и начнет стабильные отношения. Ветер в голове надоел, что ли, все мозги продул. Вон, уже на «красный» ездим, аварийные ситуации создаем. Нет, надо в руки себя брать... надо.

– Константин Юрьич, – новенькая секретарша... мmmm. Как же ее? Алина, кажется. Костя напряженно сдвинул брови, рассеянно копаясь в своей памяти. – Там Ольга Мирославовна у вас.

– Благодарю, – кивнул он и шагнул в кабинет.

Оля сидела спиной к нему, манерно держа в руке фарфоровую чашечку с чаем, когда он с объятиями бросился к ней.

– Оленька, душа моя! – с искренней радостью он принялся целовать ту в обе щеки. – Женушка ты моя любимая...

– Здравствуй, Костя, – улыбалась она. Глаза ее необъяснимо светились... будто с какой-то небывалой прежде таинственностью.

Ольга Димончук всегда оказывала пристальное внимание своей внешности. Она любила менять имидж и сегодня предстала перед ним яркой блондинкой с короткой стрижкой. Аккуратный макияж с тонкими стрелками вокруг глаз, заигрывающий взгляд которых мог кому-то показаться легкомысленным, но Костя считал это некой маской, скрывающей

истинную душевность этой женщины. Тонкие губы подводила всегда естественным цветом, гармонирующим к ногтям и прочим элементам стиля. И её вкус в одежде Костя считал непревзойденным. И вроде все хорошо в этой женщине, только в душе... сквозняки.

– Прекрасно выглядишь! – восхищенно заметил Константин. – Хоть картину пиши! Просто обворожительна! Как ты? Сколько мы не виделись? Два... три месяца?

– Два с половиной, – улыбалась Оля. – Пока ты – в своей командировке... – она заиграла пальчиками в жесте «кавычки». – Пока я – в своем путешествии...

– Алиночка, принесите мне эспрессо, будьте добры, – обратился он по громкой связи, и на той стороне зависло молчание. – Алина!

– Ирина, Константин Юрьевич, – послышался обиженный тон.

– Упс, – вытаращил глаза директор и уставился на хохочущую супругу. – Я действительно думал, что ее Алиной зовут. Простите, Ирина, – прокашлялся. – Но эспрессо все же принесите.

Не дожидаясь согласия, он отключил громкую связь и всем вниманием погрузился в Ольгу.

– Рассказывай, дорогая, как поездка?

– Потрясающе! – выдохнула та. – Оказывается, есть еще места, где я не побывала.

– Что странно, – комментировал он.

– Что странно!

– Отец не наносил визиты, когда дома была?

– Да заезжал как-то. Я сказала, что ты в делах. В общем, на себя его взяла.

– Спасибо, милая. Ты, как всегда, заботлива.

– Всё хотела спросить, – она кивнула в сторону икон, стоящих на его полке: справа – Георгия Победоносца, слева – Спаса Нерукотворного. – Что это тебе дает?

Бегло вздёрнув брови, Костя нахмурился и почему-то заметно покраснел. К чему этот вопрос именно сейчас, когда поговорить и так есть о чём?

– Веру, – коротко ответил он.

– Веру в Бога? – ухмыльнулась Оля.

– Не только... Веру в то, что когда-нибудь стану достойным хотя бы просто взглянуть на эти лики.

Он проигнорировал ее желание продолжить дискуссию и обратился по телефону к секретарю с какой-то просьбой. Ольга поняла его позицию, потому перевела тему:

– Заметила в окно, ты не один приехал? Очередная интрижка или серьезно?

– Оля, – усмехнулся он, отрываясь от бумаг, – я ведь женатый человек! Кто со мной согласится серьезно?

– Вот и хорошо. Потому что... На самом деле, я с разговором, – ее взгляд изменился, и что-то в нем Косте не понравилось. Даже насторожило.

– Весь во внимании.

Их отвлекла вошедшая секретарша, потом Костя рассеянно отошел к шкафу, что-то искал в карманах пиджака, а когда возвращался на свое место, Ольга встретила его в полный рост, терпеливо ожидая окончания спонтанной суеты. Промелькнувшая фигура жены обратила на себя его внимание, и Константин на бегу шутливо заметил:

– Ты фитнес забросила?

Они считали себя друзьями, поэтому подобного рода правда никогда никого не оскорбляла. И Ольга просила честно высказываться о собственном внешнем виде. Такая вот женская предусмотрительность. И, разумеется, как любая женщина, встречала его критику с обидой, но принимала во внимание – честности просила-то сама.

Но вдруг, осознав причину полноты и не дойдя до своего кресла, он остановился и застывшим взглядом вперился в окно. Она давала ему время собраться с мыслями, поэтому молчала.

– Какой срок? – выдавил из себя Костя, не желая предаваться предположениям по поводу этого. Диагноз полноты очевиден.

– Пятый месяц, – тихо сказала она.

Когда он решился обернуться, она встретила его виноватым видом, будто за проступок ждет неминуемого наказания.

– Родители в курсе? – его взгляд сменился на обеспокоенно-рассерженный.

– Нет, – тихо отвечала она.

– А Олег что говорит? – той же требовательной нотой продолжал допрос Костя.

– Олег... – она сглотнула ком, – вне зоны доступа.

– Что? – ощутив, как закипает внутри себя, он нервно потянул за галстук, а затем и вовсе сорвал с шеи. – То есть скрылся... – его глаза забегали по кабинету. – Пятый месяц – это много, – рассуждал он. – Не каждый врач возьмется за аборт.

– Никто не возьмется, – категорично произнесла Оля. – Потому что я не буду его делать.

Обернувшись на эти слова, он искал в ее взгляде объяснений.

– Ты собираешься рожать? – уточнил Костя.

– Да.

– От Олега?

– Да.

Ему хотелось спросить: «А где же место в этой истории для моих планов?» – но он заворожено молчал.

– Костя, я пришла, чтобы просить тебя...

Закрыв глаза с мысленной просьбой к ней помолчать, Костя рухнул в кресло и опустил голову на ладони. Ему не хотелось слышать! Больше ничего от них всех не хотелось слышать! Потому как он только и делает, что выполняет чужие просьбы да поручения, игнорируя собственную жизнь.

– Кость, как ты думаешь... у нас могло бы что-то полу-

читься?

Не двигаясь, он пытался уложить в своей голове дальнейшие события. Нет. Надо ответить. Подняв на нее удрученный взгляд, переспросил:

– Получиться?

– Да. Жить как семье... могло бы получиться? Как нормальной, дружной, настоящей семье? Не так, как мы живем с тобой, будто друзья...

– Мы и есть друзья, Оля! Ну да, заключенные в браке друзья... По документам – супруги, но так – друзья.

– Я знаю! – лихорадочно воскликнула она и закрыла глаза, пытаясь себя успокоить. – А как семья? Как семья мы сможем жить... втроем?

Это переходило все границы! Пожениться по чьей-то прихоти, чтобы исправить чьи-то ошибки, жить чьей-то жизнью, играть чью-то роль... а теперь стать чьим-то отцом, по сути, таковым не являясь.

– Оля, ты хочешь, чтобы я добровольно воспитывал чужого ребенка? – глухо воскликнул он.

Она заметила, как молниеносно побагровело его лицо и показалось ей неестественно и даже болезненно синюшным. Создавалось впечатление, что вдохнув воздух, он всеми силами старался удержать в себе крик.

– Костя, я умоляю тебя, – заметив в глазах Оли слёзы, он схватился за голову. – Я сделаю все, о чем ты попросишь. Только не откажи!

Посыпались рыдания и какие-то объяснения. Все пропуская мимо ушей, он мысленно вторил: «Что мне делать?» Потом она успокоилась.

– Кость, я понимаю, наш брак – просто гарантия для моего отца в том, что твой дядя выполнит обязательства. Но пойми, что ситуация все равно в ближайшие годы не изменится. А мне ведь тридцать шесть! Это больше, чем тебе почти на три года, – зачем-то уточнила она.

– Оленька, я собирался уже полюбовно решить этот вопрос и разойтись, чтобы не мучить друг друга, – несвойственно для себя взвыл он. – Ну зачем теперь это?

– Костенька, – она вдруг приготовилась падать на колени, – этот ребенок для меня – надежда на спасение! Я прошу тебя, не откажи мне!

Схватив ее, он вдруг прижал к себе, чувствуя нарастающую дрожь в ее слабом теле.

– Ладно-ладно... Оль... я подумаю... Не нервничай. У тебя это плохо заканчивается. Тем более сейчас... тебе вдвойне беречься надо. Езжай домой, я приеду вечером и мы поговорим. Всё обсудим.

Кивнув, она взяла сумку и вышла, а Костя откинулся на спинку кресла и все же попытался сосредоточиться.

Итак, что будет, если он согласится на ее просьбу? Крест на личной жизни, крест на свободе, крест на себе.

Ведь никто не знает, что сразу после свадьбы они договорились жить вместе как друзья. Никто не знает, что они

уже больше года избегают друг друга и живут каждый в своем доме. Никто не знает, что они изменяют друг другу все это время и знают об этих изменах. Никого не волнует, что по прошествии нескольких лет после свадьбы они остаются равнодушными друг к другу как супруги. И тут – такой поворот!

Косте не просто придется изменить стиль жизни, а вывернуть наизнанку свой мозг. О сердце он вообще молчит... оно и так терпит все капризы убеждений.

Чего он лишится, если откажется? Спокойствия, личного счастья, имущества. Последний факт коснется и родственников. Кто знает, какие меры предпримет обозленный тесть, у которого в руках всё и вся.

Но самое главное, что в этом случае на Косте обязательно будет поставлено клеймо равнодушного отца к «своему» ребенку, и об этом ему будут регулярно напоминать осуждающие взгляды окружающих его людей. Всех людей – от родственников до уборщицы в офисе, потому что об этом сразу будет известно.

Ему вспомнились первые годы жизни в браке с Ольгой. На свадьбе он тупо надрался до отключения мозга, чем занимался и последующие несколько недель с перерывами в пару дней, чтобы привести в порядок организм и кое-как ходить на работу. Тогда он занимал должность заместителя директора по коммерческой части в компании, созданной на основании фирмы Ордынцева-старшего. И она тесно сотрудни-

чала с корпорацией Мирослава Димончука.

Костя еще со студенческих лет участвовал в деятельности небольшого торгового предприятия дяди Вани, которое постепенно разрослось в компанию с неплохим фондом. Тогда многие, начавшие свою работу в «девяностых» и выживающих в стиле «кто как может», уже становились на ноги и серьезно о себе заявляли.

Но опрометчивые шаги Ивана Никитовича, несколько незаконных сделок и проблемы с правоохранительными органами могли привести к тому, что вся деятельность пошла бы прахом вместе с вложенными в нее миллионами. И тут на помощь пришел любезный Мирослав, который предложил на взаимовыгодных условиях возродить увядающую компанию Ордынцевых.

Все бы ничего, если б дядя Ваня не попытался партнера обвести вокруг пальца сразу же после сделки. Именно после этого тот потребовал гарантий в виде дополнительного «родственного договора», узаконившего семейный бизнес, на четко оговоренных условиях, изложенных в папке подготовленных документов. Тут речь пошла о свадьбе. Поскольку единственный сын Ордынцева-старшего уже был женат на дочери одного из инвесторов, выбор пал на Костю.

Задатки грамотного коммерсанта в нем отмечались и раньше, поэтому после свадьбы Мирослав сам предложил подготовить Костю на должность исполнительного директора – в нем присутствовала и та необходимая коммерческая

жилка, и умение решать вопросы в экстремальных ситуациях. Только с опытом работы в этой сфере отмечался дефицит.

Но грамотные профессионалы консалтинговой фирмы, которых нанял Иван Никитович, крайне заинтересованный тем моментом, чтобы руководство перешло в руки его племяннику, быстро «подтянули» молодого управляющего, ввели в курс событий, помогли вникнуть в деятельность каждого отдела компании. Вместе с тем на Костю легла и ответственность за каждую копейку. Остальные просто получали дивиденды и иногда совали свой нос в его действия, наращивающие капитал организации.

Что интересно – Мирослав, казалось, не претендовал на владение компанией, основная часть акций продолжала оставаться у генерального директора, руководство принадлежало его племяннику.

Поскольку Константин также имел свою долю в компании, а в будущем ему удалось выкупить неплохую часть и у двоюродного брата, ушедшего на свои «хлеба», уровень личного дохода ему удалось значительно увеличить. Станным образом Максим рассорился с отцом и пошел против него – он не только вышел из бизнеса, но и продал свои акции не Ивану, а Косте.

Таким образом, после этой сделки основная власть оставалась в руках Ордынцева-старшего – пятьдесят один процент акций, Косте отводилось двадцать девять процентов,

Ольге принадлежало шестнадцать, а Мирослав скромно имел в своем распоряжении четыре процента. Казалось, последнего совершенно не интересовала компания, и скромные дивиденды его вполне устраивали.

В любом случае владение акциями и руководящая должность не решали Костиной зависимости от всех контрактов – в случае развода почти вся его доля делилась в сторону Оли, и тогда Ордынцев-старший рисковал быть раздавленным Димончуком. Чтобы обойти условия контракта, необходимо было найти либо пункты, противоречащие законодательству, либо обоюднo идти на разделение и заключать дополнительный договор. Либо выходить из юридических лабиринтов хитростью, к примеру, поиском противоречивых нормативных пунктов, грамотная трактовка которых могла бы привести к выигрышу Костиной стороны.

Все это понимал и Мирослав Николаевич, потому внимательно следил за тем, как его зять ведет дела, лезет ли он на территорию Димончуков и даже просчитывал, что тот планирует в дальнейшем. Сам же имел навязчивую идею плавно вывести Ордынцевых из бизнеса, и Костя догадывался, что тесть только играет в рулетку с расчетом на увеличение выигрыша. А ведь и правда, рентабельность компании росла из квартала в квартал, и тот прятал на собраниях довольную улыбку, ведь все шло по его плану.

В погоне за миллионами никого не интересовала личная жизнь молодой четы Ордынцевых. С Ольгой они с первой

ночи сторонились друг друга, и Костя себя старался в этом контролировать, даже будучи пьяным вдрызг, потому что беременность для него стала бы тем событием, которое навеки перечеркнет его намерение развестись в ближайшее и самое подходящее время.

И пока в первые месяцы совместной жизни Костя в период между пьянками думал о том, как ужиться с этими моментами, Ольга изнывала в страданиях по Олегу – своей единственной и настоящей любви. Но ему Мирослав велел не приближаться к ней даже на километр, пригрозив сжить со свету. И однажды, застав жену плачущей, Константин вдруг предложил:

– Хочешь, я найду его?

Она стихла и устремила свой взгляд... вот такой взгляд, полный надежды и признательности, которым она его награждает частенько и по сей день.

И Костя сдержал слово – через несколько дней Ольга уже щебетала с Олегом по допотопной мобиле с никому не известного номера. Затем он помог ей найти жилье в Европе, куда они вместе ездили и проводили там беспечные дни. С плеч Кости будто спала гора, и он вернулся к прежнему образу жизни. И как бы он ни старался его не афишировать, скрыть свои похождения ему не удавалось.

Но никто не заострял на том внимание. Семейные посиделки с родителями организовывались несколько раз в год по большим праздникам и значимым событиям, в период меж-

ду ними каждый занимался своей жизнью. От Кости требовалась прилежность в работе, к которой он вернулся, прекратив пьянствовать. Борьба с этой дурной привычкой стала недолгой: ответственность и необходимость интенсивно работать сделали свое дело.

Оставалась потребность хотя бы иногда ни о чем не думать, чтобы расслабиться... Костя долго не мог научиться ее как-то иначе удовлетворять. И со временем он пришел к тому, что нужно все по-другому воспринимать – с присущим ему юмором и легкостью. А драматизм – это дело слабых и нерешительных.

Рано или поздно легкомыслие должно было привести в тупик. И их беспечное отношение друг к другу, к браку, к жизни потерпело бы крушение... Вот так и случилось – Ольгины новости его встряхнули.

Что если все же попробовать? Да, ему придется себя в очередной раз для этого уничтожить! Ведь свои нужды необходимо будет снова в себе подавить. К тому же это выглядит как очередной Ольгин каприз. И он всегда ее капризам потакал, стараясь сделать все, что пожелает, лишь бы она не прикасалась к его мнимой свободе.

Если бы не исчезновение Олега, все можно было бы решить совершенно иначе. Даже юридически. Но ситуация повернулась вновь против Кости, так надеющегося на благоразумие других людей. Все равно расхлебывать придется ему...

Решительно взяв со стола мобильный, Костя набрал Ольгиного врача.

– Эдуард Максимович, по серьезному вопросу намерен обратиться.

– Слушаю вас, Константин.

– Думаю, вы в курсе ситуации с Ольгой относительно ее «интересного» положения, поскольку знаю точно: в некоторых вещах вы более сведущи, чем кто-либо другой... – по молчанию собеседника он понял, что прав. – Меня интересует ее психическое состояние... то есть, проще говоря, насколько Оля представляет себе последствия того, что мне придется воспитывать ее ребенка? Понимаете, о чем я? Ведь обстановка в любой момент может кардинально измениться, а я возьму на себя ответственность! Насколько есть необходимость создавать полноценную семью, когда чувств у нее ко мне нет, как и у меня к ней? И не обернется ли это против нее самой?

– Константин, к сожалению, я не имею права посвящать вас во все нюансы, поведенные мне ею, но могу сделать акцент на одном моменте: для нее сейчас невероятно важна именно ваша поддержка, поскольку сейчас гарантией хоть какой-то защиты для нее вы и являетесь. От этого зависит и ее уже порядком расшатанное психическое здоровье и даже ее жизнь. Она нуждается в этом ребенке, Константин, как в шансе выздороветь и избавиться от тех приступов, которые ее тревожат. Нервные срывы стали привычными, но случай с

потерей памяти – это уже серьезное нарушение деятельности мозга. Если сейчас после ухода Олега она потеряет и вас, то, сами понимаете, чем это может закончиться. Рискну предположить, что от вас зависит сейчас жизнь человека. Если не двух людей.

Нечто подобное Костя и ожидал услышать. Куда уж может быть лучше, с его удачей-то?

– А вам не кажется, что беременность и материнство могут ухудшить ее состояние? – прямо спросил он.

– Не исключено. Тут палка о двух концах. И что-то прогнозировать однозначно невозможно. Потому что психика – вещь весьма непредсказуемая.

В таких случаях говорят обычно «выбора нет». Но Костя так не считал. Выбор был, и он знал, что сейчас ему просто предстоит определиться – искалечить жизнь себе или кому-то другому.

Вечерние сумерки нахрапом надвигались на их коттедж, утопающем в теплом уличном освещении. Поднявшиеся ворота во двор явили ему Ольгу, ожидавшую его на крыльце и съжившуюся от холода под шерстяным пледом. Сейчас в ней чувствовалось столько бережности!

Подойдя к жене, он посмотрел в обеспокоенные глаза, так настырно вытягивающие из его души немедленный ответ на свою просьбу. Он понимал всю важность происходящего для нее. И осознавал, что не решится разрушить ее надежду,

оставив на своей совести неизвестно какие последствия.

Безмолвно он притянул ее к себе, заботливо коснувшись щекой её виска.

– Спасибо, Кость, – всплакнула Оля, отдаваясь в его объятия.

Она просто очень хотела, чтобы кто-то что-то сделал для нее, мечтала чувствовать себя хоть чуточку нужной. И Костя это понимал. Возможно, необходимо жертвовать собой в моменты, когда кто-то нуждается в жизни больше, чем ты.

Но создать полноценную семью после нескольких лет брака оказалось непосильным заданием. Многие недомолвки оставались на прежнем уровне, теперь их лишь задвигали разговоры о малыше и планах. Этих обсуждений стало настолько много, что Костя порой не знал, чему прежде всего уделять время даже в течение рабочего дня. Но его радовало, что Ольгу эти хлопоты ошастливили.

Не придавая значения поверьям о преждевременном приготовлении к рождению малыша, она потребовала и ремонт в детской комнате, и немедленную покупку всего необходимого.

Нередко Костя заставлял Ольгу перебирающей крохотные пинетки или ползуночки и все время спрашивал: «А если мальчик будет?», – ведь в одежде пестрили девчачьи цвета. «Тогда еще раз скупимся», – хохотала она, бросая на него счастливый взгляд.

И он втянулся в эти хлопоты настолько сильно, что почувствовал себя их частью. Наверное, все это время Косте просто невероятно хотелось ощутить необходимое сердцу семейное тепло. И это ему удавалось, ибо энергия, исходящая от Олиного животика, затмевала собой все одолевавшие его сомнения.

И Константин позволял всем приятным заботам овладеть собой, от чего получал немислимое удовольствие. Да, вероятно, он просто устал от легкой и беспечной жизни. Наверное, он уже давно готов к созданию такой полноценной семьи, просто некогда было над этим задумываться.

И пусть Костя не мог знать, что чувствуют будущие отцы, ожидающие рождения своих кровных детей, но он радостно признавал в себе волнение при мысли о будущем малыше.

Хотя некоторые странности ему тяжело было принять. К примеру, стало непонятным чтение Ольгой детских книг вслух, и он даже проконсультировался с её врачом по поводу адекватности этого действия. Оказывается, это нормально. Ну да, известно, дети до определенного момента воспринимают жизнь инстинктами, но тем не менее...

Чтобы ознакомиться с нюансами внутриутробного развития, Костя перелопатил соответствующую литературу – от психологической до духовной. И пришел к поразительному выводу, что от эмоций ребенка в утробе зависит его жизнь до самой старости. А ведь правда, душа возраста не имеет, но чувства испытывает уже с момента своего появления в теле,

а значит, все запоминает с этого периода. И он, как человек верующий, не исключал возможности данного факта.

Все это заставило его за считанные недели изменить напрочь свое отношение – пусть этот малыш плотью и кровью не его, но он может стать сродни его душе. Потому Костя прикипал к нему, как к своему. Представлял его себе. Просматривал ролики по уходу за детьми. Строил планы. Разумеется, планы, в которых видел мальчишку. И главное – это был счастливый мальчишка...

– Костя-а-а-а! – надрывистый крик в трубку заставил его подскочить и наскоро сбросить в папку все необходимые документы и ноутбук, ибо становилось понятно, что доработывать ему придется дома.

– Оленька! Я еду! – крикнул он, но та будто его не слышала.

В трубке стоял рёв, настолько громкий, что его сердце обрывалось – как тяжело в такие минуты находиться на расстоянии. Пусть даже в несколько десятков километров.

– Оль! – прикрикнул он, и она стихла. – Я выезжаю! Слышишь? Я лечу! Постарайся себя успокоить. Сейчас позвоню Эдуарду...

– Нет! Что мне его рассказы? – рыдала та.

– Хорошо, милая, – он садился в автомобиль. – Я в пути. В пути. Сделай вдох. Глубокий вдох. И успокойся, пожалуйста. От тебя зависит состояние ребенка. Ты ведь помнишь?

Сам себе поражаясь, как он этому сумел научиться, Костя продолжал успокаивать ее умиротворенным голосом, от которого в какой-то момент уснуть захотелось даже водителю его авто. Когда от твоих действий зависит целиком и полностью жизнь маленькой крохи, то научишься даже тому, на что считал себя неспособным.

Продолжая ее успокаивать по телефонной связи, он уже бежал по лестнице на второй этаж, пытаясь найти следы Ольгиного местонахождения. Дверь в его кабинет оказалась открытой.

Зачем-то зашторенные окна создали непривычный мрачный тон, драматизируя общую картину: Ольга лежала на полу посреди разбросанных бумаг, открыток и фотографий, согнувшись и всматриваясь в монитор. Костя не сразу понял, что привело ее к очередному припадку.

– Он написал, чтобы я отстала от него! – всхлипывала она, показывая на экран. – Слышишь, Кость? Я ему пишу о нашем ребенке, о беременности... о том, как малыш ножками бьется... А он... Костя... Ему все равно!

Принимая ее в свои объятия, он с досадой посмотрел на открытую страницу в соцсетях. Значит, старался только он?.. Сама же Ольга все это время думала о том, что на его месте должен быть другой. Усмирив в себе негодование, могущее лишь осложнить ситуацию, Костя попытался ее успокоить.

Когда она немного стихла, он подошел к шкафу, ключом открыл его и достал успокоительное, которое ей прописыва-

ли принимать только в крайних случаях.

Ничего комментировать, спрашивать, уточнять ему не хотелось, потому как создавшаяся атмосфера сама по себе все объясняла. И Косте внезапно стало понятно: в сознании Оли он никогда не будет отцом этому ребенку, потому что она не собирается жить иначе. Хотелось даже думать, что она его использует.

Но тут скрывалось нечто другое – его использовала стремительно развивающаяся болезнь Оли, основанная на частых депрессиях по причине искалеченных детства и юности под давлением отца-тирана.

Разумеется, в этом месте Косте захотелось вернуть все обратно, именно туда, где он дал свое согласие на кардинальные перемены в жизни. Но насколько это целесообразно? Глядя в ее блуждающие глаза, он понял, что в данный момент – эта женщина будто его крест, который по какой-то причине ему пока придется нести, ибо других путей просто не существует.

После визита врача Костя дал супруге отдохнуть, продолжая работать в домашнем режиме, поскольку решение основных вопросов никто не отменял, а доверенное лицо за год руководства в компании ему выбрать еще не удалось. Все потому, что доверял он только себе.

Когда Оля немного отошла, он все же спросил у нее:
– Милая, скажи, а какие у тебя ко мне чувства?

Это звучала требовательность – «я даю, и я хочу полу-

чать!»

Ее молчание прервалось слабым:

– Я стараюсь, Кость.

– Зачем тогда ищешь Олега?

– Я разозлилась, когда Элька прислала мне фотку, где ты с Надей из вашей бухгалтерии. Ты ведь был вчера с ней, а не на ужине у Максима, как говорил мне.

Константину не хотелось признавать, но приходилось. Не получалось у него пока быть добросовестным мужем. Да, требовалась разрядка, отдых от постоянного напряжения, в котором он находился. И ведь кому объяснишь, что у самого крыша едет наряду со всеми событиями, психической неуравновешенностью супруги и напрягом на работе. Но да, нужно стараться менять жизнь полностью. Это помогло переключиться с ее вины на свою.

– Я покончу с интрижками, – однозначно пообещал он. – А теперь давай начистоту... Ты ведь искала Олега все это время?

– Да, – виновато отвела взгляд Оля. – Кость, меня не покидала надежда, что он все же вернется. Он ведь родной отец...

– Оленька, – всеми силами удерживая в себе негодование, он посмотрел на нее с мягкой строгостью, – ты понимаешь, что я готов на жертвы во имя малыша? Я меняю свою жизнь полюсами, и мне это дается нелегко. Но мне нужна уверенность, что попытки создать настоящую семью не напрасны.

– Я все понимаю, Костенька. Вряд ли кто-то другой под-

держал бы меня, – она смотрела на него сквозь пелену слез. – Я постараюсь забыть, но не требуй этого от меня слишком скоро. Это ведь не простуда, от которой есть панацея. Тебе тяжело понять сущность любви, ведь ты разве что легкомысленно влюблялся. А тут целая трагедия в сердце. Ты не представляешь!

– Прости, Оль, мне и правда тяжело понять тебя. Но я тоже очень стараюсь. Просто не игнорируй мои попытки, Богом молю. Если я потеряю надежду, то не в силах буду потом себя заставить.

Не стал он уже затрагивать тему ее подруги: Эльвира Коробейко, работавшая несколько лет в их компании, старательно выводила его из себя. Скользящая особа, окрутившая его дядю и сумевшая уже несколько лет восседать на троне почетной и несменной любовницы. Костя чувствовал себя крайне неловко, когда Оля приглашала ее на день рождения, и присутствовавшая при этом Валентина Ордынцева, супруга дяди Вани, вынуждена была выдерживать такт, дабы не сцепиться с той в перепалке. Ведь обо всех похождениях мужа она прекрасно знала. Но все же Константин поставил перед собой цель мягко препятствовать этой непонятной дружбе двух совершенно разных женщин – Оли и Эли, чтобы постепенно свести их общение на нет.

«Целесообразными могут оказаться самые безумные вещи»

Понимая, что нервный срыв может усугубить ситуацию, Костя настоял на немедленном визите к врачу. За этот месяц они еще не посещали центр женской консультации вместе, и тому все время что-то мешало, нередко – перед самым посещением.

Частое отвлечение от работы по семейным делам отнимало у Ордынцева драгоценное время для решения важных вопросов, поэтому он в очередной раз пойти не смог, но настоял, чтобы Ольга ходила с кем-то из подруг или с мамой. Проконтролировать этот момент не предоставлялся случай...

– Константин Юрьевич? – низкий бас в мобильном заставил его почему-то напрячься, словно в предвкушении скверных новостей.

– Я, – быстро ответил он.

– Это врач Ольги, Роман Федорович Коновалов. Акушер-гинеколог.

Костя напряженно поднялся с места, чувствуя, как уши закладывало каким-то визгом, доносящимся из собственной головы... Занервничал он... Голос у врача нехороший.

– Да-да, я слушаю вас, Роман Федорович.

– Константин Юрьевич, вы не могли бы найти время и за-

ехать ко мне для беседы, поскольку в телефонном режиме...

– Что-то случилось? Что-то с ребенком? – его голос звучал надрывисто, хотя сам Костя не понимал причин такой паники.

– Лучше поговорить с глазу на глаз, – спокойным тоном произнес врач.

Довела себя... Точно довела! Наверняка что-то не в порядке, и это что-то имеет серьезное основание, если врач не захотел извещать его по телефону.

Пролетев мимо охраны, беззаботно треплющейся на улице перед входом, Костя открыл машину и бросил пиджак на пассажирское сиденье. Зачем он взял его вообще? Неважно. В спешке ударив по коробке передач, нажал педаль газа... Глухой стук, звон стекла и дикий ор сигнализации заставили переключиться на тормоз. Габарит. Это зазвенел его задний левый габарит и... фара позади стоящего автомобиля. Охрана уже спешила на помощь, но Ордынцев не стал выходить из салона, а только опустив свое стекло, сунул охраннику визитку и несколько купюр «условных».

– Скажи хозяину авто, чтоб набрал меня. Деньги в качестве залога. Не знаю, сколько это будет стоить, – почти на ходу крикнул он и рванул с места.

Но Ордынцев успел заметить, как работники службы безопасности кинулись осматривать автомобиль «жертвы».

– Что с ним в последнее время?

В ответ на вопрос коллеги Дима пожал плечами.

– Да откуда знать? То счастливый приходит, то взвинченный. Вчера, говорят, из производственного кого-то уволил. И тоже посреди дня сорвался и, никому ничего не сказав, куда-то уехал. Жена вроде беременна. Может, проблемы какие.

Костя знал, что о нем в офисе говорят сейчас много. И о том, что любовницу он устроил, и о том, что они ждут ребенка. И о том, насколько ему безразлично положение супруги, и он продолжает ей изменять на полную катушку. Да кому какая разница? А ведь никто не знает истинной истории. Все судят только по тому, что видят, и каждому кажется, что только он способен рассмотреть правду. При мысли об этом Константин вспомнил, что нерешенным остался вопрос отношений с Надей. И с ней нужно бы поскорей порвать.

Врач принял его вне очереди, что Костю насторожило еще сильнее. И не покидающий его мандраж не позволял сосредоточиться.

– Константин Юрьевич, очень деликатная тема... – Коновалов мялся, и это Ордынцева невероятно раздражало.

– Что с ребенком? – нетерпеливо процедил он.

– Дело в том, что... Константин Юрьевич, проблем с ребенком нет... потому что нет и самого ребенка.

Усмешливо нахмурившись, Костя требовательно сверлил врача взглядом.

– Она лгала? Зачем ей это?

– Простите, вы не поняли меня. Ольга верит в свое бу-

душее материнство. Искренне верит. Но у нее так называемая псевдобеременность, – поторопился объяснить Коновалов, дабы не получить по физиономии, ибо взгляд Ордынцева выдавал именно такие намерения.

– Что значит «псевдо»? – продолжал недоумевать тот.

– Ложная беременность, Константин Юрьевич. Очень редкий случай, но бывает.

– Не понимаю, – Костя с недоверием сощурился. – У нее живот...

– Да, психика каким-то образом «договаривается» с организмом, и он поддается всем необходимым переменам. Тошнота, «задержка» женских дней, набухание молочных желез... Растет живот и даже могут появиться ощущения, что ребенок бьется. На самом деле последнее объясняется нарушениями в кишечном...

– Стоп! Доктор! А давайте-ка подробнее и с самого начала! – с яростной взыскательностью остановил его Костя и, заметив возмущенный взгляд врача, понял, что погорячился – здесь он не начальник. – Ольга у вас уже была? До сегодняшнего визита?

– Была, в прошлом году.

– То есть на учет она не становилась?

– Нет, Константин. Сегодня она появилась впервые за год. Если не за полтора.

И Костя вспомнил, – сходила к врачу, сдала анализы, проконсультировалась – все уведомления основывались только

на словах Ольги. Но она так решительно говорила о беременности! Да что там – они ведь полдома перевернули вверх дном, готовясь к рождению ребенка! Причем, насколько заблаговременно!

– Господи, но она ведь действительно в это верит! – опешив, проговорил Костя.

– Ситуация очень серьезная для ее здоровья, Константин, – кивнул врач. – Дело в том, что за Ольгой я давно замечал странности...

– Да, с ней работает психотерапевт, – монотонно прокомментировал Костя.

– ...УЗИ беременность не подтвердило, ну и прочие признаки тоже. Вот данные осмотра, результат ультразвука... – врач продемонстрировал Ордынцеву медицинские документы. – Поэтому необходимо сейчас с ней работать на психологическом уровне. И тут советую вам запастись терпением.

Железный взгляд собеседника заставил Коновалова перевести дух – становилось понятным, что тот едва сдерживается от крика и садит эмоции внутри себя.

– Что нужно делать? – перевел дух Ордынцев.

– Для начала лучше подготовить Олю к нехорошим новостям. Держать ее в неведении неправильно. Но работать необходимо совместно с её врачом, поэтому попрошу вас дать мне его номер.

– Какой ужас!.. – вдруг выдохнул Костя, и Роман понял, что остался неуслышанным. – Все ведь так уверены, что она

беременна. Что же будет? Это ее убьет!

Сейчас он представил весь этот кошмар... необходимость крайних мер, чтобы суметь показать женщине правду и отвести от лжи, в которую она свято верит. Нет, она не сможет!

Достав из портмоне визитку психотерапевта, Ордынцев замороженно протянул ее Коновалову и молча вышел из кабинета.

Какой кошмар! В его голове не укладывалось! Он ведь уже столько всего продумал наперед, так ждал... Да что он? А какво Ольге придется? Представить страшно... И при попытке посмотреть на ситуацию ее глазами, Костя вдруг ощутил давящую боль в области сердца. Уже давно поднывало. Значения не придавал. Да мелочи! Пройдет. Не это важно!

В офис Костя доехал на автопилоте. У порога его встречал хозяин машины, которую он ударил. Ах, да. Отрешенно поговорив с ним, Ордынцев пообещал всё возместить.

День прошел как в тумане. Ему казалось, что все люди, зачем-то к нему обращающиеся, все звонки, которые он принимал, все документы, которые подписывал, – все это просто снится, потому что реальность вокруг застыла в какой-то невесомости.

Сначала ему нужно было поверить в ее стремление создать с ним семью... Нет, самое страшное, на что он решился, – воспитывать чужого ребенка... которого, как выясняется, не существовало. Это звенело в его ушах состоянием паники. Неужели такое бывает? Какую злую шутку может

сыграть с нами мозг, разочарованный страданиями некогда счастливой души!

Жутко! Ольга безумела у него на глазах. Что может быть ужаснее необходимости заверить ждущую ребенка женщину, что ожидание напрасно, а беременности не существует.

Зайдя домой, Костя с опаской оглянулся. Стояла подозрительная тишина, которая таила в себе что-то зловещее. Но появившаяся со стороны столовой Ольга бросилась к нему с объятиями.

Звонивший днем Эдуард Максимович попросил его общаться с ней как ни в чем не бывало, и, вспомнив об этом, Костя ответил на ее гостеприимство. Она обходительно сняла с него пиджак, поручила идти переодеваться и даже что-то пропела. А он только настраивал себя на невозмутимость и спокойствие.

Присев за накрытый стол, Костя внимательно осмотрел Олю. Да, она и впрямь выглядела беременной – свободная туника, добавляющая объема талии, в груди тоже вроде раздалась, изменились даже черты лица. И эта не присущая ей детская жизнерадостность. В голове не укладывается. Он все равно не мог уяснить себе реальность происходящего.

– Сегодня отпустила прислугу, готовила сама, – торжественно заявила она.

– Ты была у врача? – устало приложив ко лбу пальцы, спросил он.

– Да, была! – ее глаза светились радостью. – У нас все хорошо, папа! Напрасно ты переживал.

«Папа» – заставило содрогнуться. Она действительно верила в то, что говорила. Костя кротко кивнул.

– Это хорошо, – попытался улыбнуться он.

– Ты чем-то расстроен? Или плохо себя чувствуешь?

– Да так... Ничего особенного... – он сжеманничал, принявшись перебирать вилкой еду в своей тарелке.

Под ее щебет, в котором звучало столько самообмана, Константин куда-то улетучивался в раздумьях над тем, что делать дальше. Ситуация слишком неоднозначная. Надо Мирослава уведомить. Врачи расскажут о методах, а принимать решение нужно будет вместе.

С этим он собрал всех: тестя, врачей Коновалова и Симоненко. По взглядам медиков он убеждался – может произойти самое плохое, у Ольги способны случиться не просто нарушения, но и полная «отключка» адекватности. Говорили долго. Костя участвовал как-то косвенно, словно это его не касалось. Он по-прежнему переживал, но продолжал находиться в прострации.

На следующий день состоялся разговор с Олей. Роман Федорович показал ей снимки, затем попытался объяснить ошибку, которая произошла. Но та смотрела на него с откровенной улыбкой, временами хохотала, потом театрально становилась серьезной. Косте вспомнилось, что и раньше ино-

гда она себя так вела. Играла просто. В итоге она расценила это как шутку, поблагодарила врача за хорошее настроение и попросила Костю отвезти ее домой.

Он все больше приходил в шок от разворачивающихся событий. После визита к врачу подтвердилось, что ситуация катастрофическая. Ольга не собирается адекватно воспринимать информацию, которая может разрушить её иллюзию. Как объяснил психоаналитик, все дело в страстном желании иметь ребенка, страхе, что материнство так и не наступит, и ее частых нервных срывах. Последнее значительно усугубило состояние Ольги, и теперь нужно сделать все, чтобы ее психика не разрушилась окончательно. Хотя Косте казалось, что хуже быть не может.

Вопреки советам всех врачей, он все же старался привести Ольгу в реальность – продолжал проводить аккуратные беседы, показывал снимки, убеждал ее подумать и еще раз объективно оценить свое состояние. Она даже не злилась на него за недоверие, просто улыбалась и отмалчивалась, продолжая строить планы, перебирать детские вещи и проводить время в детской комнате. Как это ужасно! Как ужасно видеть гибнущим близкого человека и чувствовать себя абсолютно не способным ему помочь.

Сдвиг пошел через пару недель, когда ему позвонила сиделка, которую он нанял, чтобы та присматривала за Ольгой, и попросила приехать домой незамедлительно. Желудок он нашел в обмазанной кровью постели, рыдающую навзрыд

и что-то лепечущую. Что он мог поделывать и как успокоить ее придуманные страдания? Ему ничего не оставалось, как помочь ей принять душ, затем обнять ее и просто слушать несвязный бред, состоящий из объяснений. И только когда рыдания стихли, Оля обессилено прошептала:

– Костенька, прости меня, пожалуйста. Я потеряла нашего малыша... Вызови врачей скорей... Костенька, ты слышишь? Позвони им.

Почему такая уверенность, что уже потеряла? Значит, ее мозг принял информацию, что ребенка нет и пытается таким образом «умертвить» его – он был, а теперь потерян? Нет-нет, Костя не будет пытаться это понять – такие вещи невозможно правильно воспринять адекватному человеку.

Всё, что он сделал, – повиновался. Вызвал ее лечащего врача, опять же психотерапевта, разумеется, позвонил ее родителям. Ольгиной матери, Ларисе Александровне, вообще, как ему казалось, глубоко безразлично, что происходит с дочерью. Она только сновала по комнате с театральными причитаниями, как видел это сам Ордынцев.

Бедная Оля! Она ведь, и правда, чужая для всех. Сейчас Костя так ясно это чувствовал. Может, мозг потому и сходит с ума: когда мечтает уйти от реальности, в которой чувствует себя лишним?

– Пока Ольга в больнице, нам нужно решить, как быть дальше, – говорил Костя. – Это не может так продолжаться – она теряет разум. Если мы оставим все как есть, будет хуже.

– Разумеется, Константин, – говорил Эдуард. – Только вот, прежде чем принимать решение относительно дальнейших действий, необходимо дождаться Ольгиного пробуждения. Нужно поговорить с ней, а потом уж решать.

Голос Симоненко звучал так, как общаются обычно с психически неуравновешенными, что приводило Костю в негодование, но сейчас он старался на этом не заикливаться.

– Оля попросила меня, – с нахмуренной задумчивостью произнес Мирослав, – по телефону... чтобы мы похоронили ребенка. Когда она выйдет из больницы, просила устроить церемонию в узком семейном кругу.

– Вот, – Симоненко указал пальцем в сторону говорящего, – это уже добрый знак. То есть ее сознание готово проститься с этой иллюзией.

– Что вы хотите этим сказать? – с недоумением сдвинул брови Костя.

– Что... возможно... неплохо было бы и послушать ее... Сделать такую небольшую сценку, вроде как действительно похороны... и...

– Да вы о чем бредите? – воскликнул Костя. – Что вы несёте? Вы слышите себя?

– Он – врач! – вдруг наорал на него Мирослав, пригрозив кулаком. – А ты, щенок, рот закрой и слушай, что специалист говорит!

Глаза Кости бесстрашно отражали все бешенство, которое кипело внутри него.

– Я не позволю! – перекричал он тестя. – Я не позволю делать фарс из детских похорон! Вы что? Вам самим лечиться надо!

– Заткнись! – перебил его Мирослав и встал во весь свой двухметровый рост, готовясь наброситься на уступавшего ему в габаритах Костю.

– Да хоть прибейте меня тут! – вновь воскликнул тот. – Но я не позволю!

– Говорите, доктор, продолжайте, – игнорируя возмущение зятя, обратился к Эдуарду Мирослав. – Какова ваша идея? Ей может стать лучше?

– Да, действительно, есть вероятность, что такой стресс поможет Ольге вернуться в свое нормальное состояние после того, как она попрощается с этой иллюзией...

– Вы правда считаете, что она способна вернуться? – не выдержал Костя. – Да ведь у нее и до этого были отклонения!

– Не смей! – вдруг прикрикнул Мирослав Николаевич и рванулся к зятю, но супруга его удержала. – Не смей оговаривать мою дочь, называя сумасшедшей.

– Конечно, вам тяжело признать ее болезнь, потому что виноваты в этом вы, папа! – язвительный акцент на последнем слове и горящие ненавистью глаза Кости распалили в Мирославе ответную ярость, но супруга продолжала стеной стоять на его пути.

– Ты не забылся? – заорал он.

– Послушайте, джентльмены, – монотонно перебил Эду-

ард, – оставьте выяснение отношений на потом! А теперь позвольте объясниться, Константин.

– Позволяю! – рявкнул тот и вперился яростным взглядом в глаза врача.

– Нам нужно сделать все возможное, чтобы спасти Ольгу. И на данный момент, она настолько верит в свою беременность, что переубедить женскую психику вряд ли невозможно. И если она убеждена в существовании своего ребенка, то нужно сделать так, чтобы ее прощание с этой беременностью выглядело как можно правдоподобней. Понимаете, Константин, в данном случае целесообразными могут оказаться самые безумные, на первый взгляд, вещи. Это вы понимаете, что она ошибается. А она не понимает! Наша задача аккуратно и доходчиво донести до нее суть вещей.

Тот только отрешенно впялился в окно, отвернувшись торсом демонстрируя свое отношение к происходящему.

– Мы принимаем ваше предложение, – вдруг согласился Мирослав.

Ордынцева это не удивило – тот часто решал за всех и вмешивался во всё. Но его не это выводило из себя, а человеческая тупость. Ему казалось, что все играют.

– Только так, Костя! – прозвучал командный тон. – Чтобы об этом никто ничего не знал. Слышишь? Я не позволю, чтобы о дочери говорили как о сумасшедшей! Пусть все думают, что действительно потеряла ребенка. Правдоподобней будет и для нее.

Тот только кивнул, горько усмехнулся, но не повернулся.

– Разумеется, Мирослав Николаевич. Я ожидал услышать нечто подобное, показывающее ваше истинное лицемерие в данной ситуации. Главное – мнение общества.

И снова рвущегося Димончука удержала его хрупкая супруга.

– Я прошу в последний раз, – Костя обернулся к Мирославу, не стыдясь бросить даже умоляющий взгляд в его сторону, – давайте покажем ее западным специалистам. Я навел справки и нашел отличных профессионалов.

– Нет! – отрезал тот, и в этой категоричности слышалась скорее какая-то принципиальность.

Костя развел руками и тихонько пробормотал:

– Прости, Оленька, я сделал все что мог.

«Прости меня, родная моя»

Проснувшись Оля не изменила своего решения относительно похорон, хотя ее нестабильность в поведении была непредсказуема. Костя в приготовлении этого театра не принимал участия. Он вообще с трудом согласился просто присутствовать.

Все эти абсурдные идеи настолько его удручали, что ему хотелось сейчас же исчезнуть из жизни умалишенной семейки и забыть все, как страшный сон. А заодно вычеркнуть странные годы своей жизни. Интересно, что и сама Ольга не особо нуждалась в поддержке мужа – она будто о нем забыла. Наверное, потому что отец и мать нашли, наконец, время для общения с дочерью. А Костя как был чужим для нее, так и остался.

Не верилось, что все это происходит на его глазах: кладбище, маленький гробик, цветы и даже игрушки... Косте казалось, что он чувствует шевеление своих волос от этой картины, полной лицемерия и ханжества.

Мирослав сделал всё возможное, чтобы обстановка выглядела правдоподобно, но только зачем, если сама Ольга не понимала, что происходит, и Константин отчетливо это видел по ее рассеянному взгляду. Он знал: ее наколют успокоительными, чтобы она могла стоять на ногах. И, увидев жену впервые за последние четыре дня, Костя обомлел – она по-

ходила на высохший манекен.

Самое страшное, в чем он практически был убежден, что как раз из-за действий успокоительных этот «спектакль» не останется в ее памяти, а, следовательно, их старания могут оказаться напрасными. Его предположения подтвердил иностранный врач-психиатр, с которым утром Ордынцев консультировался по видеосвязи.

Мирослав старался не подпускать Костю близко к дочери, но присутствия зятя требовал. Ордынцев к этому относился равнодушно – ему даже стало легче, когда он оказался освобожденным от бремени ухода за безумной супругой. Пусть душевно эта ситуация его уничтожала, но ведь он понимал, что жена никогда не любила его, потому обязана быть с близкими людьми, которые станут для нее настоящей поддержкой. Так будет лучше.

Казалось, у Кости отсутствовали эмоции – на протяжении церемонии недвижимым оставалось даже его лицо, и только застывшая скорбь в глазах отражала плач души, до тошноты подавляемый им глубоко внутри себя. Бледность подтверждала состояние шока, в котором сам Константин пребывал последние дни. Он никогда не поймёт и не примет эти вопиющие игры с сознанием человека в кругу людей, чья жизнь требовала от него называть родственниками.

Маленький гробик опустили в могилу, и Костя облегченно выдохнул. Затем Мирослав поспешно начал уводить дочь восвояси, да и несколько присутствующих человек тоже по-

торопились покинуть церемонию.

Пришла поддержать Костю и Дарина Игоревна. По окончании мероприятия она тихонько подошла к нему, будто боявшемуся тронуться с места, и, коснувшись его плеча, шепнула:

– Тут мама недалеко. Может, зайдешь?

Только по прерывистому дыханию стало слышно, насколько небезразлично все это Косте, но он продолжал стоять камнем.

– Не хочешь? – с грустью спросила она и, не дождавшись ответа, думала уже отойти, как услышала нервозный выдох сквозь зубы.

– Стыдно!

На этом он пошел к стоянке своей дорогой, не желая сталкиваться со всеми участниками процессии. И совершенно странным образом Костя заблудился среди секторов, в какой-то момент осознав, что ноги сами несут его в гости к родному человеку.

Несмело ступив за ограду, он осмотрелся кругом. Чисто, убрано, на могилке растут ромашки. Все, как он просил. Мама улыбалась ему с памятника своей живой и дарящей благо улыбкой. Такой улыбки ни у кого не было. Только у мамы.

Больше десяти лет назад она так и прощалась с ним. Несмотря на все страдания, которые приходилось терпеть ее телу, она умиротворенно улыбалась, чтобы дети запомнили уходящую маму именно такой. И Косте запало в душу, как

тяжело ей давалось подавлять боль в себе, как он умолял ее этого не делать... Она поддалась чувствам только тогда, когда со слезами на глазах умоляла:

– Сыночек, родненький, прошу тебя, не играй в игры дяди Вани! Не становись на этот путь... У них такой мир тяжелый! Погибнешь, Костюша! Пообещай мне сделать все, чтобы уйти от этого. И Кристину береги. Ты даже не представляешь, какая эта жизнь! Запомни мои слова! Вспоминай почаще! Чтобы я ушла со спокойной душой, родной мой.

Тогда он рыдал и клялся. Тогда он обещал и божился. И он действительно хотел послушать маму, потому что она всегда оказывалась права. И сейчас понимал, что чувство вины, осевшее в его сердце, мешает ему нормально дышать.

Причем вина эта оставалась болью и за младшую сестру: Кристину отправили в колледж за границу, а воспитывать и учить ее чему-то он не считал себя правым, ведь слишком необразцовым стало его поведение после смерти мамы. И теперь ему нелегко было осознавать, что сестра стала одной из тех девиц бомонда, которых в последнее время он сам старался избегать.

– Ма-а-ам, – вдруг упал на колени он и понял, что сдерживаться больше не в силах. – Прости меня, родная моя!.. – из его сердца раздавался плач ребенка, до глубины души пожалевшего о своем непослушании. – Я предал тебя... Ты так просила... А я ничего не сделал... чтобы человеком стать.

Косте казалось, что мама не могла не услышать его даже

в другом мире, ибо его сердце разрывалось от сокрушения, и ему хотелось об этом кричать во все горло, потому он не препятствовал себе освобождаться от этой боли.

– Ты, наверное, краснеешь за меня там... перед ангелами на небесах. А я так упал... – его сдавленный шёпот прерывался лишь попытками перевести дух – горе продолжало тяжело трепать уставшую душу. – Я все время падаю. Наверное, совсем скоро ты даже не сможешь рассмотреть меня с высоты...

– Ну будет тебе, Костя, – услышал он над ухом знакомый голос и ощутил похлопывание по плечу, от чего содрогнулся с ненавистью. – Ну что ты как мальчик?.. Прямо странно видеть тебя таким.

Этот заботливый сарказм звучал от дяди Вани, очевидно, искавшего племянника здесь.

– Не нужно меня стыдить, – не поднимая головы, пресек его попытки Костя. – Если человек что-то чувствует, значит, он еще жив. Хотя... кому я это пытаюсь донести?

Сдержав это сокрушение, только вроде бы освободившее его, Костя будто вернул его обратно в себя. Встав на ноги, он с равнодушным ожиданием посмотрел на Ивана Никитича. Тот спрятал ироничную улыбку в попытках поговорить о наболевшем.

– Красивая была женщина, – кивнул Ордынцев-старший в сторону памятника. – Жизнерадостная такая... К сожалению, твой отец так и не смог сделать ее счастливой.

– Почему ты так решил? Она никогда на него не жаловалась.

– Какой женщине понравится жить с алкоголиком?

– Она не воспринимала его пьяницей, а относилась к нему как к больному человеку.

– Да, но это его не спасло...

Костя видел наигранное расстройство в лице дяди и в очередной раз убедился: того что-то задевало в отношениях его родителей. Возможно, он завидовал женской самоотверженности, с которой мать боролась за отца. Кто из мужчин отказался бы от возможности быть любимым такой всепрощающей любовью?

– Жаль их, – продолжал дядя. – Хорошая пара была. А ты, Костя, не кипятись в отношении Мирослава. Ольга – его дочь, потому он сам решит, что и как с ней делать.

– Да, я уже понял, что моего участия в этом не требуется. И хотя мне судьба Оли не безразлична, я все же предоставлю Димончуку полную свободу действий в этом. Не собираюсь нести ответственность за то, чего я не делал.

– Что ты имеешь в виду? – с подозрением сощурился Иван Никитич.

– То, что ты подумал, – резко ответил тот. – Я выхожу из игры. Занавес, в общем. Следующий раунд – без меня.

– Костя, ты, правда, надумал выйти?

– Естественно! – он наслаждался замешательством дяди.

– Так, ты не горячись, – попытался успокоить его Иван

Никитич. – Это все может обернуться против тебя!

– Не дождетесь! – он пронзил дядю решительным взглядом, не терпящим возражений. – Долги все раздам, накормлю ваши ненасытные рты до рвоты и освобожусь от этой кабалы. Ясно?

– Костя, ты понимаешь, что...

– Если бы ты вёл дела, – перебил его племянник, – как порядочный человек, а не проворачивал за спиной Мирослава махинации, то он не потребовал бы гарантий... А так пришлось меня в заложники... в рабы отдавать. Но каждый раб может купить свободу.

– Рабы столько не имеют на счетах, сколько имеешь ты, Костенька.

– Я готов тебе отдать все до копейки, – с пренебрежительной усмешкой говорил тот. – Хочешь? Но взамен мне нужна полная свобода!

– Слишком много на кону стоит, Костя. Тебе принадлежит управление компанией...

– Но мне не принадлежит всё! Верно ведь? Я просто исполняю обязанности.

– Но ты стоишь у руля! И у тебя это получается лучше, чем у кого-то другого. Могу тебе предложить, если хочешь... – Ордынцев-старший вдруг почесал нос – так он делал, когда собирался озвучить некорректные предложения. – Костя, ты можешь легко со всем расквитаться сейчас, – в глазах дяди торжествовала ирония. – Мирослав не захочет, чтобы Ольгу

признавали официально невменяемой, видишь, как он, бедолага, бьется за репутацию? Поэтому ты можешь этим воспользоваться.

Иван Никитич прочитал в глазах племянника растущую ярость, но рискнул продолжить, допустив мысль, что уникальность его идеи все же возьмет верх над присущим тому приличием.

– Подсунь ей документы: доверенность, передачу дел тебе, дарственную на акции или всё, что сможет избавить нас от долга Димончуку и раздавить его. Чтобы не совал больше нос. Он ведь, сам понимаешь, претендует на компанию... Ольгина болезнь ему только на руку...

– Дядя Ваня, – процедил сквозь зубы Костя, всеми силами сдерживая хрустящие в кулаках пальцы, – ты понимаешь, что мне ваши аферы не нужны? Я, напротив, хочу свободы от них! А этот способ приведет меня к другому узлу, который может завязаться вокруг моей шеи.

– Что ты собираешься делать?

– Мы с Ольгой никогда не были мужем и женой, а потому развод освободит обоих от этой ноши, которую снять надо было уже давно.

– Костя, это нецелесообразно!

– Я докажу! – прошептал с яростью тот, бросая беглый взгляд в сторону маминого надгробия. – Что мы не жили вместе. А Оля сошла с ума по причине вашей алчности. Всем плевать было на ее состояние, когда что-то еще можно было

исправить. Любила она все эти годы не меня. И ребенка надумала не от меня, потому что у нас с ней никогда ничего не было...

– Не вздумай, Костя! – вдруг повысил голос дядя Ваня. – Мирослав нас со свету сживет. Позже займешься своим разводом. Потерпи ты!

– Я слышу это больше пяти лет, дядя! Достали меня эти обещания! С тобой дел иметь нельзя! Ты ведь непорядочный человек! Почему Мирослав и ведет себя так. Связался в свое время...

– Ты у нас порядочный? – ехидный тон дяди вынудил Костю обозленно вздохнуть.

– К моему великому сожалению, падаю вслед за тобой, – отрезал он. – Но надеюсь зацепиться за какой-нибудь сучок.

С болью в глазах посмотрев на мамин портрет, он мысленно попросил у нее прощения за то, что она стала свидетельницей этих бесцеремонных разборок.

«Переживёт стресс и оклемается»

Весь его кошмар только начинался, и Костя прекрасно это понимал. По приезде домой он, к своему ужасу, обнаружил Ольгу, сидящую в комнате малыша, которую успели переустроить в гостевую за два дня, дабы не бередить живую рану в ее сознании. Но, очевидно, бедная женщина даже не заметила перемен.

Сложив руки на груди, Оля улыбалась, покачиваясь в кресле, и жестом показывала Косте, чтобы он не шумел. Его потрянул озноб ужаса: она бредит галлюцинациями и представляет, что укладывает малыша. Схватив телефон, он набрал номер Димончука.

– Как вы могли оставить ее в одиночестве? – яростно дрожал его голос.

– Она попросилась домой, врач сказал, что нельзя перечить.

– Но зачем вы оставили ее одну? – заорал в трубку Ордынцев. – Вы понимаете, что она не соображает?

– Угомонись, Костя! – отрезал Мирослав. – Она в порядке! Переживет стресс и оклемается! Не нужно делать выводы, от которых ты далек!

Понимая, что говорить с ним толку нет, он позвонил Эдуарду Максимовичу и потребовал немедленно обследовать Олю и поставить официальный диагноз. Как муж, он имел

право этому содействовать.

На следующий день прибыли Мирослав с Ларисой и спешно забрали Ольгу к себе. Как выяснилось, Симоненко передал им требование Кости. Но, как родители, они могли препятствовать ее обследованию и даже лечению. Странное дело, мнение мужа в данном случае не бралось в расчет. Все, чего он хотел, чтобы Оля находилась под круглосуточным присмотром, и ему наплевать, что об него в очередной раз вытирают ноги.

С этого момента они не виделись. Константин вернулся в свою квартиру в центре Столицы, Ольга пребывала у родителей в пригороде. Иногда он справлялся о ее делах у Эдуарда, и тот честно уведомлял, что состояние ухудшается. Помимо этого, врач даже взял на себя смелость признаться, что его методика потерпела фиаско и, вероятнее всего, Ольгина болезнь переходит в необратимую фазу, когда мозг окончательно покидает реальность. При этом, разумеется, Симоненко подчеркнул, что терять надежду нельзя. Хотя Косте все казалось очевидным...

Полное обследование Ольге все-таки провели после одного случая. Когда к нему в кабинет вбежала перепуганная секретарша, та же Ирина, и криком возвестила его о драке в бухгалтерии. Благо, что отдел находился на этаже, и он успел оторвать Ольгу от плачущей Надежды, на которую та уже замахнулась канцелярским ножом. Ему удалось как-то успокоить супругу и отвести ее к себе в кабинет.

И тут Константин перешел к активным действиям – вызвал медиков, те, в свою очередь, – полицию. Обе стороны поставили в известность, что психическое состояние женщины перешло в стадию социально опасного для окружающих людей, а, значит, требует немедленного обследования.

И только тут уже Мирослав не стал отнекиваться. Ему пришлось признать болезнь дочери и необходимость ее лечения. Пусть даже тогда, когда это стало очевидным общественности.

В ужасе от случая в бухгалтерии Константин мысленно планировал свои дальнейшие действия. И о них нужно думать! Необходимо себя заставить! Хотя так хочется все пустить на самотек...

Вбежавшая в слезах Надежда бросила ему в лицо заявление об уходе и, не говоря ни слова, покинула кабинет, характерно хлопнув дверью. Да, он забыл побеспокоиться о ее состоянии, но совершенно не до этого ему было. Хотя в создавшейся обстановке, несомненно, состояла и его вина.

– Ира, войдите ко мне, – осипшим голосом проговорил Костя и не заметил, как она оказалась тут же. Напуганная и дрожащая. – Ирина, успокойтесь, пожалуйста. А теперь послушайте. Я хочу перевести вас на место Галины Ивановны Донской, чтобы избежать всякого рода провокационных ситуаций. А ее назначу своим секретарем. Вас это устроит?

Та только перепуганно кивнула.

– А теперь пишите приказ. «О дисциплинарной ответ-

ственности в коллективе, соблюдении деловой этики персонала. Приказываю, с этого момента (укажите дату), начальникам отделов и подразделений в рабочее время вести строжайший контроль за всякого рода обсуждениями, сплетничеством, разнесением клеветы и прочими нарушениями морально-этического плана относительно личной жизни коллег. Юротделу в приказ внести соответствующие пункты в Положение о деловой этике и поведения персонала компании. Укажите пункты нормативных документов, устава, положения компании... Список сброшу на вашу почту. И последний момент: «Нарушение данного приказа повлечет за собой дисциплинарную ответственность в виде выговора с занесением в личное дело, лишения премии либо увольнения».

Его отрешенный взгляд подтверждал всю серьезность намерений немедленно утвердить этот документ, на что Ирина среагировала оторопелостью. Как-то странно: директор всегда казался таким сдержанным и тактичным в отношении женской болтологии, но сейчас, похоже, он намеревался любым способом оградить себя и свою семью от обсуждения.

В том, что незамедлительно подаст на развод, Константин не сомневался – все документы, связанные с этим, он изучал уже давно. Адвокат, к которому он обратился по рекомендации своего юриста, пообещал гарантию выигрыша в судебном деле, если никто не захочет решать вопрос миром. Естественно, никто и не захотел.

Мирослав встретил эту новость импульсивными порывами швырнуть документы в Костю, ненормативной лексикой и угрозами. Тот, в свою очередь, только сомкнул с сожалением губы. Но иной реакции он и не ожидал.

– Не вижу смысла продолжать ваши финансовые игры, связывающие наш брак с Олей и компанию.

– Основания! – требовательно рявкнул тесть.

– Во-первых, – хладнокровно продолжал Костя, – у нас существовала договоренность относительно показателей эффективности деятельности компании. Требуемых вами отметок мы достигли уже давно. Полагаю, ваша заинтересованность в этом не косвенная, вы рассчитываете продолжать рвать ее на куски, но это уже не моя забота. Далее, – тяжелый вздох предвещал затрагивание больной для всех темы, – что касается Ольги... После вашего оформления опекунства вы окончательно лишили меня возможности не только общения с ней, но и заниматься ее лечением. Следовательно, считаю нецелесообразным дальше поддерживать юридическую связь наших отношений с Олей... А другой силы, кроме формальной, наш брак никогда не имел, вы об этом, Мирослав Николаевич, прекрасно знаете.

– Сколько же в тебе цинизма, Костя! – вскипел тот, но зять тут же его приструнил.

– Не больше, чем в вас меркантильности. Зато за счет моего цинизма ваши интересы обретут результативность.

– Я препятствую твоему общению с моей дочерью, потому

что прекрасно понимаю: ты воспользуешься неофициальностью ее состояния и подсунешь ей на подпись...

– Вы рассуждаете точно, как мой дядя, – перебил его Костя. – И я предусмотрел ваши объяснения. В любом случае, я для Оли являюсь раздражителем, поскольку в ее сознании почему-то осталась только ревность и, судя по всему, несбывшиеся мечты о настоящей семье. Подвергать опасности сотрудников или еще кого-то я не хочу. Бракоразводный процесс уже начат. Все обращения рассмотрю в официальном виде, Мирослав Николаевич. Ну и на совете директоров.

Таким образом и была запущена точка невозврата, обозначенная самим Константином – он намеревался довести развод до своего логического завершения. Стоял вопрос только в объемах потерь и финансовых возможностях. Но на этот счет его адвокат очень старался продуктивно потрудиться, ведь обещанный гонорар превосходил самые смелые ожидания.

Какое-то время Косте не хотелось даже появляться в обществе, потому что его везде спрашивали об Ольге. Если на работе от расспросов удалось уйти приказом, и многозначительные взгляды подчиненных он попросту игнорировал, то у знакомых это оказалось крайне сложным. Потому Костя ограничил себя в общении, давая возможность сплетням во круг разборок поутихнуть.

Вечера приходилось коротать в компании рабочей корреспонденции и подготовок к суду. Думать ни о каких развле-

чениях не было ни сил, ни желания. Возникла апатия к жизни, превратившая её в существование.

Он понимал, что этот период нужно просто пережить. Если раньше он в своих выводах забегал далеко вперед, то сейчас он молил Бога только о том, чтобы у него хватило сил пройти это испытание, оставить его в прошлом и самому не сойти с ума. Сейчас от него зависело многое: безопасность сотрудников, психологический климат в организации, разрешение семейных вопросов, закрепление права односторонней собственности на компанию за Ордынцевыми.

Но весьма подозрительно бездействовал Мирослав в отношении самого зятя, что заставляло замереть в напряженном ожидании.

И один момент все разъяснил. Как обычно, припарковавшись на уличной стоянке, Костя мчался в офис: оставив пальто в автомобиле, пожалел тут же, ибо мороз пробирал до внутренностей, но возвращаться не стал – не в его стиле шагать назад.

Дмитрий встречал директора у входа и, чуть приблизившись к нему, вполголоса спросил:

– Шеф, вы в курсе, что за вами «хвосты» уже недели две как тягаются?

Не удивившись такому факту, тот только взглядом задал очевидный вопрос.

– Сегодня на черном джипе. Но меняют машины каждые три-четыре дня. У меня глаз намётан на эти вещи.

– Я понимаю, о чем речь, – Костя хотел пройти мимо, как вдруг остановился и тихо добавил: – Зайдите ко мне через пятнадцать минут.

Понятное дело, что Димончук настырно решил «копать» под него, но для этого ему необходимо иметь максимум информации, поскольку «накопать» то, чего, по сути, нет, весьма нелегко. Поэтому он, видимо, запасся не свойственным себе терпением – дождаться результата.

Сам Константин после состоявшегося две недели назад заседания суда понял, что все эти разборки затянутся надолго, а сама судья утратила лояльность к его стороне, поскольку наверняка уже куплена Мирославом. Но сдаваться никто не собирался. И даже угроза того, что развод затянется на годы, его не смущала. Главное – дойти до цели.

– Дмитрий, изучал ваше личное дело, – Ордынцев отвлеченно рылся в каких-то документах и временами посматривал на телефон, – хотел встретиться в неформальной обстановке. Но исходя из ваших наблюдений, здесь будет безопаснее всего. Хочу предложить вам подработку.

Наконец-то его взгляд сосредоточился на собеседнике. Внешность обманчива: невысокого роста Дмитрий, с мягкими, как для сотрудника по безопасности, чертами лица, казался менее всего заметным и подозреваемым. Должен сойти для ответственного поручения.

– Вы будете выполнять свои привычные обязанности в офисе... Вы ведь работаете сутки через трое, правильно я

помню? Мне необходимо, чтобы вы организовали слежку за тем, кто следит за мной. Понимаете, о чем я? Только так: на что реагируют, куда звонят, что доносят и прочее. Вы сами разберетесь в ходе дела, какая информация нужнее всего. Гонорар вас обрадует.

Многозначительность его взгляда Диму осчастливила несколько раз за эти минуты. О щедрости Ордынцева часто поговаривали в офисе, а, значит, деньги будут хорошие. Почему нет?

– Что скажете?

– Безоговорочно согласен, – улыбался Дима. – Что-то еще нужно?

– Да. Необходимо найти одного человека и связаться с ним. Вот его личные данные и аккаунты в соцсетях. Желательно точное местонахождение. Ну и факты биографии за последние несколько лет. Хотелось бы личную встречу организовать, но это необязательно. Устроит беседа по любой связи.

– Хорошо, – кивнул тот.

– Думаю, о конфиденциальности упоминать лишнее. Это само собой... Если будете привлекать людей, о заказчике тоже ни слова. По расходам – сразу ко мне. Ясно все?

– Вполне.

– Отлично! Тогда до первых новостей!

С тех пор свою жизнь Костя видел, как на чужой ладони. Всю жизнь – от личной до профессиональной. Поэтому

упрямо старался скрыть хотя бы самое для себя сокровенное.

Так продолжалось полтора года – суд над его бракоразводным процессом периодически зависал, судьи менялись. Даже пришлось два раза закрывать и открывать дело по другим статьям. Адвокат Ордынцева грамотно подходил к вопросу и выполнял всё от себя зависящее. И дабы избежать неприятных сюрпризов, каждый шаг юриста Константин проверял и контролировал.

Что касается женщин, какое-то время Костя попросту их избегал. Сам ловил себя на том, что подозрительно изучает каждую, ищет подвоха в словах, оценивает адекватность рассуждений. Наверное, потому что он винил себя, что пропустил тот момент, когда Оля оказалась невменяемой. От чего-то легкомыслие в отношении к противоположному полу резко его покинуло. Но на смену ему пришла внимательность к женской психологии – такой хрупкой и непредсказуемой вещи.

Костя вдруг понял, что безрассудство и равнодушие мужчин в отношении женщин приводит последних сначала к растерянности, потом – к панике, а затем уж и к неадекватности. Раньше ему на ум не приходила необходимость задуматься о потребностях женской души, которой чаще всего нужно не так много – забота и внимание.

Оле катастрофически не хватало и того, и другого. От самого Кости она ничего не просила, потому что не нуждалась

в нем до определенного момента. И то, что ему казалось наиболее странным, – это категоричное поведение Олега, всегда вызывавшего уважение своей борьбой за их с Ольгой отношения. Только почему он пропал в тот ответственный момент, и что заставило его бросить любимую женщину, Костя не мог понять, но собирался разобраться при первой возможности.

В одном Ордынцев питал уверенность – будь Оля со своей любовью изначально, она так не страдала бы. Счастье могло помочь ей справиться со всеми расстройствами нервной системы.

И далее в перерывах между разборками, уймой работы и прочей суетой Ордынцев присматривался к женщинам, пытаясь найти такую, ради которой он будет готов на любые подвиги и не по причине личной порядочности, а из-за возникших чувств, могущих перерасти в ту самую любовь...

Глава 2. «Когда разведёмся, планирую расправить крылья и полететь»

«Мозг, отключись! Сердце, умолкни!»

Ступив на перрон, Светлана окинула взглядом полупустой вокзал и поторопилась к ожидающему такси.

Что-то задержало руку позади... Обернулась. Багажная сумка влетела колесиками в ямку. Резко дёрнув за ручку вперед-назад, выбралась. Да неудобно: в одной руке – эта ноша с вещами, в другой – пакет с шампанским и сладостями. Но мелочи не способны остановить, ведь главное – это событие сегодняшнего дня.

Подумать только – пять лет! Целых пять лет, как они вместе... Скромная годовщина любви.

«Так много всего произошло за это время, и в то же время будто стоим на месте. Нет детей. Но разве это обязательно? Объяснять каждому, что мы не готовы? Да не их это дело, наше! У Марка недавно с работой наладилось. Да, я его устроила и что с того? Не везёт ему с работой. Как сам берётся за дело – так сплошные неудачи. У меня-то оно быстрее, лучше получается. Что же, каждому своё, не всем же по

жизни пробивными быть! Он и так, бедный, все эти годы переживал, что я семью обеспечиваю...

Ничего, теперь всё наладилось. Так и с детьми будет. Единственное, что торопит, – это одноклассницы, которых встречаешь с колясками да с повзрослевшими детьми в сквере.

Хочется ли ребёнка? Говорят, пора. Двадцать шесть всё-таки! Но что-то заставляет контролировать этот момент. Да и Марк не особо любит поднимать эту тему. Разумеется, когда-нибудь они обязательно об этом поговорят, но не сейчас. Сейчас нужно встать на ноги...

Итак, сегодня пять лет. Как их отпраздновать? А вот ничего не хочется! Одно желание: проваляться весь день под одеялом, временами освобождая из-под него руку, дабы протянуть к шампанскому да закускам. На губах – ласки мужа, в душе – гармония и любовь, вокруг – ничего не существует, только мы! Впервые так будет, и это долгожданно. В прошлом году на отдыхе праздновали, в позапрошлом – романтический экстрим, в этом – нет! Устала».

И вообще Марк не в курсе, что его ждёт сюрприз, собирались ведь позже отмечать по причине командировки, которая по плану должна закончиться через два дня, по факту – вчера «отстрелялась». Через полчаса сбудется маленькая мечта – разбудить любимого сюрпризом... он наверняка ещё спит.

За всей маленькой романтикой её интересовала лишь

внутренняя суть – момент душевного единения с мужем, чего так часто не хватало в обыденном круговороте.

И вот уже пять лет, как они знают друг друга. Пять лет – это немного, но и много одновременно. Вроде как стали родными людьми, но все еще сохранились загадочные и порой таких нужные недомолвки в застенках семейной жизни. Наверное, эти маленькие секреты всем парам помогают преодолеть первые годы, пока ещё нет детей, пока ещё время уходит на строительство отношений из двоих.

В предрассветных сумерках Южный выглядел особо привлекательным: тускнеющие на фоне сиреневого неба фонари мелькали в окне прощающимися огоньками. Тихое дремавшее море подчёркивало линию горизонта, которого вот-вот грозились коснуться первые лучи солнца. Только бы успеть к их появлению... Почему-то так Свете захотелось: солнце коснётся своими лучиками земли, а она поцелуями – Марка.

Когда такси поднялось на холм, Света схватила свой фотоаппарат, исправно сопровождавший её в любые поездки, и щёлкнула этот живописный вид с высоты. И ещё с мобильного телефона нужно закрепить шедевр, чтобы выложить в соцсети.

На фоне этой утренней красочной процессии перед её глазами мелькали кадры первой встречи с Марком. Ничего особенного – обыкновенное знакомство на свадьбе. Но что-то тогда её воодушевило, приподняло над землёй и унесло куда-то в небытие.

И несло её так потом все пять лет: через полгода сошлись вместе, ещё через полгода поженились, потом сделали ремонт в её квартире, доставшейся от бабушки. Конечно, большую часть времени у семейных людей занимает бытовая суета. Но ей нравилась эта суета!

Она бросила взгляд на четвёртый этаж, но окна квартиры ответили ей безмолвной темнотой. Сердце затрепетало, торопя её на встречу с мужем.

– Спасибо вам, – Светлана поспешно протянула деньги таксисту и, не дожидаясь сдачи, выпорхнула из автомобиля.

Водитель помог ей достать багаж и пристально посмотрел в прищуренные карие глазки девушки.

– Обменяемся телефонами? – скучно прозвучавшая банальность вызвала у Светы тихий смех.

Разумеется, для каждой женщины малейшее проявление мужского внимания – приятный факт, но она всегда была преданной своему Марку и на такие предложения отвечала ироничной улыбкой.

– Зачем? – прямо спросила она, на что таксист ответил молчаливым недоумением.

Его взгляд скользнул по ее руке, на безымянном пальце которой красовалось обручальное кольцо.

– А... Понял, – криво улыбнулся он.

Упустил момент удостовериться, хотя и замужние женщины не всегда ему отказывают...

– Да, – победоносно пропел ее голос, – и очень счастлива

в браке!

Таксист театрально изобразил разочарование, улыбнулся и сопровождал девушку взглядом, наблюдая за тем, как она неуклюже переплетала ногами на каблуках, пытаясь унести с собой все свои сумки. У мужчины и мысли не было ей помочь, но он с удовольствием рассмотрел отдаляющуюся женскую фигуру, вид которой «с торца» очень даже впечатлял.

– Значит, сегодня греться со своей, – тихо буркнул сам себе таксист и уселся в автомобиль.

«Ага, конечно, встретиться! Ещё чего? Неужели не видно, что я люблю и любима? Что я счастлива, на самом деле? Я же сама чувствую, как иду и сияю. Будто бегущая строка на лбу «замужем», «замужем». А впрочем, оно мне надо? Сейчас прижмусь к Маркусе и забуду обо всём». Главное, быть тихой, будто кошка, чтобы он проснулся не от звука, а от её прикосновений.

Войдя в коридор, бесшумно поставила сумку на трюмо, поспешно сняла свои «каблуки»... когда её взгляд скользнул вниз: у ног стояли модельные босоножки сиреневого цвета.

«Когда это Катька забыла у нас свою обувь?» – промелькнуло в мыслях.

С кошачьей бесшумностью она сделала несколько шагов и оказалась в проёме их комнаты. Марк спал на диване спиной к ней и сейчас в самый раз было бы к нему прильнуть. Но, словно ощутив на себе чей-то взгляд, он шевельнулся и повернулся на спину. И тут у Светы от неожиданности заря-

било в глазах... Вслед за Марком повернулась и... Катя... подруга... единственная подруга.

«Будто кипятком ошпарили... что за невыносимое ощущение? Дрожь... и головокружение от десятков мыслей, в одно мгновение обрушившихся на голову... Стоп! Что за бред? Нет-нет... это ошибка...

Что-то толкает попятиться назад, дабы убрать с глаз эту шокирующую картину. Нет! Я должна разобраться... Да в чём здесь разбираться? Может, это ошибка?! Может... она осталась переночевать. Случилось что-то... мать снова выгнала... Нужно удостовериться, прежде чем обвинять.

Да смотри же, дурёха: руки «подруги» господствуют на груди твоего мужа, одеяло сползло с оголённых плеч до самой талии... Есть шанс наивно верить в то, что они просто легли рядом поспать?

Ф-фух, затошнило как! Прочь отсюда... бежать-бежать-бежать... пока что-то не остановит. А-ах? Это ещё что? Что со стенами? Они падают? Пол дрожит? Или это мои колени? А в груди что за тремор? Такое разве бывает?

Закрой тихо дверь и уходи... Нет, нужно вернуться... может, померещилось? Я ведь так устала за эти дни... Или я просто сплю?

И вот снова у дивана... Нет, не сон... всё правда. Да что же со стенами? Как их удержать, если они прямо на меня валятся? А ноги... ноги бегут восвояси, теряя равновесие, спотыкаясь и, кажется, даже падая...

Едва открыла заплывшие глаза... где я? В подъезде? Почему так холодно? Будто гольшом на снегу! Так... у меня ведь что-то случилось... Ах, да... причина всё время стоит перед глазами будто наяву. Снова подкатила волна тошноты. Нужно собраться с силами и подняться... Что в руке? Дорожная сумка? Когда я ухватила её? Ах, пальцы судорожно сжимают ручку... я ее и не выпускала из рук...

Что происходило последние несколько минут? Нет! Вопрос другой: сколько времени я здесь? И зачем... зачем я здесь? Нужно подумать... выйти на улицу и подумать... Нет-нет, не стоит показываться им на глаза... Зачем? Я этого не выдержу! У меня разорвётся сердце... Ф-фух... как дурно!..

Ох, как хотелось на улицу... свежий воздух! Теперь немного легче... В отражении окон напротив засияли оранжевые блики от солнца... Я так спешила до первых лучей... Куда спешить было?... Идиотка.

Так. Нужно где-то присесть и привести себя в чувство.

Зачем я живу? Зачем сейчас я при памяти? Может, это не я? Или я всё-таки умерла? Или упала в обморок и валяюсь где-то поблизости? Меня будто несёт над землёй... Где звуки? Почему так тихо? Только постоянно что-то звенит в ушах.

А-а-а, больно как! Больно – значит, не умерла. Что болит? Это нога!.. Что на неё упало? Бутылка? Ах, да. Шампанское. Мы ведь хотели праздновать... Нет. Хотела праздновать я. А что у нас за праздник? Точно, день прозрения!

Снова замелькали какие-то мечты... Желанный отдых за границей. Планы купить дом. Цель... О, целей было много! Но ведь... все их ставила я... А у него они были?

Так... это ещё что? Откуда здесь взялся этот плюшевый заяц? Валяется, бедный, в пыли мордочкой вниз... Кто-то из детей забыл? Мягкий какой... Глазки добрые... Или несчастные? Каким был малыш, который держал его в руках? А-а-а-а-а, как можно было сомневаться? Я хочу-у-у-у детей! Хочу!

Когда же я прекращу реветь? Это невыносимо! Себя жалко? Смотреть надо было внимательней! Нужно почаще плакать... для того, чтобы в такие моменты быть спокойней, выносливей, сильней. А сейчас сижу... люди уже ходят, озираются. Кто с жалостью, кто с осуждением... Думают, что дуря пьяная сидит с похмелья. Кстати! Почему нет? Главное, чтобы хватило сил открыть...

Хватило. Прекрасно! Вот теперь пузырьки приведут в чувство. Так. Что теперь делать? А что ты можешь сделать? Забыть! Всё забыть: начиная от первой встречи с ним до планов на будущее. Вычеркнуть напрочь из памяти, что считала дружбу с ней подарком судьбы, что собиралась просить ее быть крёстной матерью твоему ребёнку, что главное в женской дружбе – преданность... Или это главное в семейных отношениях?

Какая уже разница?! Не хочу думать! Не хочу чувствовать! Мозг, отключись! Сердце, умолкни! Довольно с меня

переживаний! Довольно вранья...

Так откуда вранье-то? Я ведь его даже ни в чём не подозревала. Ну да, я – нет. А будь я поумней, то послушала бы мудрую сестру. Она-то сколько раз тебе, Света, мозги вправляла! Она-то тебе говорила, что он с кралей на море обжигался... А ты что? Обвинила Лену во лжи, предательстве и два года с ней не общалась. Bravo, Потёмкина! Ты недостойна сейчас даже ее нравочений и попреков.

– Если когда-нибудь он причинит тебе боль, я надеюсь, что с этим ты придёшь ко мне, ибо я люблю тебя настолько сильно, насколько может любить только мать своего ребёнка.

Да, её слова! И готова проговаривать их вслух снова и снова. Потому что в них правда. И, наверное, больше ни в чём. Слова любимой старшей сестры, призывавшей к благоразумию... мечтающей видеть меня счастливой! А я что? А я верила мужу, ослепившему меня ложью. И подруге... Ох, даже ставила Катю в пример: посмотри, Лена, как она за меня счастлива. Вот смехота!

Глаза, перестаньте лить слёзы! Да что же это такое – тело совершенно меня не слушается! Да не хочу я реветь! Я сильная! Не хочу думать... да какая разница, кто виноват и сколько они вместе? Не хочу в этом копаться! Хочу, чтобы меня обняли... хочу, чтобы душа успокоилась... хочу уснуть, люди! Хочу уснуть навсегда! Лю-у-уди! Вы слышите меня? Кто-нибудь! Убейте!..»

«Хотелось быть женщиной, ничего не решающей»

Распахнув двери, Лена обомлела. На пороге стоял человек, которого она неистово ждала два года. Которому ей дико не терпелось позвонить, встретить рано утром по пути на работу или подождать вечером у подъезда, чтобы просто на мгновенье обнять и уйти, не сказав ни слова.

Леночка сдерживала эти порывы, ибо знала, что строптивой сестре нужен урок. И еще она обязана сама научиться разбираться в своих проблемах. И вот сейчас, кажется, настал этот момент истины.

Горе в опухших глазах, драматично подчёркнутое чёрными потёками от туши, растёртой по всему лицу; растрёпанная копна волос, более походившая на солому, торчащую из головы чучела на огороде; спавший с одного плеча пиджак, будто его кто-то пытался сорвать... Слова были излишни.

– Светка! – воскликнула Лена и бросилась к ней с объятиями. – Света, сестра! Родная моя!

Она тискала ее, крепко обнимала, целовала заплаканное лицо. Если она так ждала, почему не пришло в голову, что именно младшая сестра стоит за дверями? Наверное, потому что Леночка уже потеряла надежду на прозрение этого упрямого ребёнка.

– Прости, Лен! Прости, что я так рано... – пролепетала

Светлана, но та даже слушать ее не стала, а обхватила руки сестры и с любовью посмотрела в убитые горем глаза.

– Милая, о чем ты говоришь? Что значит рано? Не рано, а долго... Долго ты ко мне шла, моя дорогая. Проходи, хватит стоять в дверях.

Лена помогла Свете затащить сумку, стараясь не заострять внимания ни на запахе алкоголя, который шлейфом тянулся от сестры, ни на этом странном внешнем виде, ни на предположениях ее бедственного состояния. Главное, её сейчас не смущать, а поговорить они успеют.

– Как же мне тебя не хватало! – воскликнула со слезами на глазах старшая и вновь обняла сестру.

А та походила на зомби: отрешённый взгляд, растерянные движения, несвязный лепет, срывающийся с губ. Сердце разрывалось, глядя на нее. А ведь прошедшие два года Лена жила в ожидании... и почему-то предвидела появление сестры именно таким. И сейчас, утешая свою маленькую Светоньку, Леночка только и думала, чтобы Бог дал той сил пройти достойно этот нелёгкий период. Ведь чует ее сердце, что он только начинается.

– Заблудшую сестру с утра не ждали? – ирония вошедшего Андрея казалась неуместной, но Свету это немного отвлекло от личного горя.

– Да, Андрюш, пришла с повинной, – сказала она, наскоро вытирая слёзы. – Хоть и стыдно. Несколько раз возвращалась. Потом сидела у подъезда минут двадцать. Думаешь,

легко решиться посмотреть в глаза людям, собою же отвергнутым?..

– По глупости отвергнутым, – произнёс Андрей и обнял ее. – Это ничего, Свет. В жизни и не такое бывает! Здесь тебя всегда ждали и будут ждать. Но хочется надеяться, что обойдёмся без таких эксцессов. Верь сестре!

– Некому мне больше верить, – зарыдала та. – И вряд ли когда-нибудь еще смогу...

– Так, я понимаю, что сейчас тебе больно, – произнесла сердито Елена, – жизнь рушится, все сволочи, счастья нет – и так далее. Давай без пессимизма, моя милая! Потому что разрушение старого – это возможность для строительства чего-то нового. И в этом новом нужно постараться выбрать более качественные и надёжные материалы, понимаешь, о чем я?

Улыбка родной сестры, такая воодушевляющая, словно осушила слезы, настырно рвущиеся из ее сердца, и младшая вдруг с грустью улыбнулась в ответ. А ведь и правда... не конец же света!

– Единственное, чего я не могу еще понять – как можно было пропустить мимо себя такую очевидность? – говорила Света, уткнувшись взглядом в чашку с остывшим чаем. – Ведь наверняка они давно вместе, но я не замечала. Могла бы и раньше положить этому конец.

Лена взяла сестру за руку и заботливо убрала русую прядь волос, спавшую той на лицо. Они всегда жили душа в ду-

шу, как будто сестры-близнецы, чувствующие боль друг друга даже на расстоянии. И сейчас на обломках этого горя так ясно светилось их уцелевшее сестринское счастье.

– Свет, – строгим голосом произнесла Лена, – прекрати себя винить! Я не могу сказать, что ты абсолютно ни при чём в этой ситуации, но и не могу осуждать тебя... Просто ты верила. Ты верила ему как человеку, клявшемуся тебе в любви. Ты верила ей как подруге, ставшей единственной отдушиной... Ну в мое отсутствие, конечно, – улыбнулась она.

– Если бы я хоть чуточку прислушалась к тебе, Лен... Хоть немножечко...

– Ладно тебе, Светонька, – она прижала младшую к груди, целуя ее в макушку. – Ты просто хотела любить... а об этом жалеть не нужно! Этим нужно дорожить! И стремиться дальше обрести эту самую любовь.

Отпрянув от сестры, Светлана посмотрела на ту с недоумением.

– «Хотела любить»? Думаешь, я не любила?

На секунду задумавшись, Леночка грустно произнесла:

– Не могу утверждать за тебя, моя дорогая. Но, боюсь, что ты приняла за любовь лишь веру в нее. Потому что порой слепо поступала, не думая. Торопилась всё время куда-то. Вопреки всем догмам, любовь не ослепляет, она, напротив, открывает истину. А слепит влюблённость, потому что она такая... резвая, дерзкая, флиртующая... и проходящая мимо. Кстати, спешу тебе сказать спасибо.

– За что тебе вздумалось меня поблагодарить?

– За то, что впервые в жизни ты послушала меня. В том смысле, что пришла ко мне тогда, когда он тебя обидел.

Света подняла наполненные слезами глаза.

– Больше всего корю себя именно за это: из-за него я чуть не потеряла тебя навсегда.

– Ты меня не теряла и не могла, милая, – любящим тоном проговорила Лена и подлила сестре травяной чай. – Я – твоя кровь, а это навеки вечные, моя дорогая!

– Лен, скажи мне, в чем я могла ошибиться?

Та очень обрадовалась этому вопросу: в силу своего вздорного характера младшая сестра никогда ее не слушала. Этот случай с Марком послужил ей уроком – нельзя во всем полагаться только на себя. Кто как не родные люди смогут открыть глаза на то, что мы так часто пропускаем мимо себя? Вот и раньше Света думала, что все знает, что сама разберётся, что ее обойдут ужасы реальности...

Может, ей, Лене, и не нужно было соглашаться и исчезать из ее жизни? Может, нужно было пойти на компромисс и настоять на общении? Да нет же, не в Светином стиле противоречить своему выбору – решила и железно! Уж очень хотелось младшей сестрѐнке самостоятельности.

Хотя за двадцать шесть лет ее и так было безмерно: лишившись в детстве родителей и оставшись на попечении у тетки, они сами друг друга воспитывали. Иногда бабушка подпрыгивала, но какое там воспитание? Только умиление,

похвала да любовь! Появление Марка все круто перевернуло. Очевидно, ситуация эта очень нужна была им обоим.

– Леночка, ну почему молчишь? Отвечать не хочешь?

Она вернулась из воспоминаний, и Света это ясно поняла по взгляду. В глаза сестре она смотрела всегда словно в отражение – с детства все говорили о том, что взгляд у девочек одинаков. Только вот младшей не хватало некоторой мудрости, уже присутствовавшей у старшей, разница в шесть лет все-таки.

– В чем ты могла ошибиться? Ну, начнём с твоего избранника. Свет, ну он ведь актёр! Для меня это было очевидно с первой минуты знакомства с ним. У тебя не всегда получается разбираться в людях, дорогая моя...

– Да это уж понятно, – с сарказмом в голосе произнесла Света, – одним махом ошибиться в двух родных людях – не каждому дано...

– Поэтому изначально, – продолжала Леночка, – ты просто не замечала его недостатков, причём недопустимых недостатков. Он так притворно тебе улыбался! Когда ты отворачивалась, он частенько провожал взглядом ножки в мини-юбке. При этом почему-то удивлялся, когда я это замечала и его одёргивала. Ну есть определённая категория мужчин – кобели они называются. И никуда от этого не денешься. Тебе так хотелось искренней любви, а он ведь не способен на нее, милая.

– Тогда почему же он был со мной? Зачем врал? Жил бы

себе один, гулял направо и налево, зачем было меня трогать?

– Ну, во-первых, ты сыграла большую роль в создании ваших отношений, чем он. Марк просто шел на поводу. Ты захотела, чтобы вы жили вместе, он не отрицал. Ему так удобно было – за тобой, как за каменной стеной. Ты захотела свадьбу и замуж – он опять согласен. Эти отношения построены тобой, а не вами, то есть изначально были обречены на провал. Удобно для определённой категории мужиков – все делает женщина, а он в это время занимается своей личной жизнью. Конечно, в нормальных отношениях мужчина обязан иметь заинтересованность. И ничего хорошего в том, что ты все тянула на себе, не было. Организация всех мероприятий, принятие решений, домашние дела... Он ведь даже не занялся вашим переездом на квартиру... О чем это говорит? Его всё устраивало! Он развалил, прости, достоинство на диване и кайф ловит. А ты, Светочка, бегай, узнавай, решай, делай...

Светлана молчала. Ну конечно, Лена, как всегда, права. Причём в каждом своем слове. Самые яркие моменты совместной с Марком жизни мелькали в памяти кадрами из старого фильма. Ведь действительно, инициатором во всем была она! Да о чем говорить, если последний раз ей пришлось искать ему работу – не получалось у него. Обременяло ли ее это? Да. Очень часто. Хотелось быть женщиной, ничего не решающей, а только дающей и получающей. Но нет. Она в их семье частенько выполняла роль мужа.

– Что ты будешь делать? – голос Лены отвлек от мыслей.

– Ума не приложу! Для начала просто дам себе время все обдумать и привыкнуть к этой пустоте в сердце. Потом займусь разводом, скорее всего. Погружусь в работу.

– Из квартиры выгони его первым делом!

– Да пусть живёт пока, до развода. Я не хотела бы сейчас там находиться. Знаю только одно: разговаривать мне с ним сейчас не следует, потому что забьёт голову своими угрозами и объяснениями.

– О, сестра, это ты верно подметила! Ни в коем случае не допускай его к себе. На разборки время ещё будет.

Заметив, как Света вновь помрачнела, Лена взяла ее за руку и с пониманием произнесла:

– Хочешь, я выпровожу его из квартиры? Чтобы освободить тебя от выяснения отношений.

– Нет. Ну что ты? Через несколько дней, которые, по сути, я должна находиться в командировке, я сама на это решусь.

– Думаешь... хватит смелости?

– А у меня выбор есть? – она выдохнула. – Я обязана это сделать, переступив через себя.

– Меня удивляет твоя решительность, если честно.

– Лен, можно простить все, даже ту же измену. Но... во-первых, нести в мою постель грязь – это унижительно, как минимум. Во-вторых, высмеять меня... я не знаю... растоптать просто... свяжью с моей подругой, – Леночка видела, как сестра пытается заглушить в себе шквал подходящих рыданий.

– Не продолжай. Я поняла.

– Такое не прощается, – выдохнула, наконец, Светлана, подавив намерения души выплеснуть свою боль. – А сегодня мне приснился сон, что за мной гоняются две собаки: одна большая и чёрная, другая – поменьше с противным тяфканьем. И бегают они за мной, я от них, и норовят укусить, как мне казалось, разорвать. Я еще подумала, к чему это?.. А! И что странно – я была маленькой. Лет семь было во сне.

Бросив задумчивый взгляд на сестру, в котором Света обычно видела попытки во что-то вмешаться, Лена вдруг произнесла:

– Ты столкнулась с предательством. Как ты относишься к этому?

– Так и думала услышать от тебя нечто подобное. Терапию решила мне навязать?

– Нет, – ответила с улыбкой та, – только предложить. Навязывать права не имею, навредить могу.

– Да я сейчас готова на что угодно, – печально согласилась Света. – Только бы заполнить чем-то приятным эту жуть в сердце...

– Тогда давай попробуем разобраться, – предложила робко Лена, не желая принуждать младшую сестру, хотя порой хотелось схватиться за ремень. – Скажи мне о предательстве... что ты вообще думаешь об этом поступке?

– Да не переносу я предательство, ненавижу, Лен! Как можно относиться, если с детства меня предают? Мама с от-

цом, подружки в школе, первая влюблённость... помнишь всё это? Всю жизнь сталкиваюсь и не могу научиться игнорировать подобные события. Или хотя бы относиться с каким-то пониманием, что ли.

– Не можешь научиться прощать... – осведомленно констатировала Елена.

– Наверное, да.

– Пока не научишься, предательство будет преследовать тебя как тень. И события будут повторяться.

Старшая говорила с такой уверенностью, которая Свету обычно раздражала – кто давал право ставить подобные диагнозы? Но ещё больше ее злил тот факт, что Леночка крайне редко ошибалась.

– Почему? – с недовольством сощурилась младшая.

– Потому что ты не можешь пройти урок, данный свыше. Когда так происходит, ситуация повторяется. А началось всё с родителей. Ты не можешь простить их, вот в чём дело. А отсюда уже – остальные неприятности.

– Как связаны два разных события? – нервозность одолела Свету, и она не сумела сдержать себя.

– Твоё раздражение говорит только о нежелании слушать правду, – умиротворённо проговорила Лена. – Постарайся успокоиться и отнесись серьёзно к тому, что я скажу. Я ведь не с потолка беру это, правда? Учусь психологии, уж и экзамены на носу. Все потому, что на все есть причины, моя дорогая, на всё! И хранятся они на полочках нашего мозга в

виде эмоций, чувств и убеждений.

– Так я это слышала, – отрезала Света, торопя сестру с объяснениями. – Давай уже, умничай!

– Что мы имеем на данный момент? – продолжала Лена, игнорируя импульсивность сестры. – У тебя проблема в общении с мужчинами и женщинами. Потому что обида на самого главного мужчину жизни – отца. То же и с мамой. Родители ушли, ты осталась одна, чувствуешь себя брошенной. Твои собаки – это и есть обиды, которые норовят тебя съесть.

– Странно, я думала, это детский испуг... или что-то в этом роде.

– Это тоже может быть. Но в данном случае ты переживаешь предательство, а вместе с тем – обиды.

– Да, обида есть, – долгожданная покорность вызвала в старшей сестре облегчённый вздох.

– Ее нужно простить.

– Как?

Леночка видела: Свете не хотелось признавать необходимость работы над собой. Да и лентяйка она в этом деле: все считает, что жизнь сама по себе наладится.

– Нужно мысленно вернуться в детство, пережить это в последний раз и простить. Попробуем работать через рисунок, на котором ты нарисуешь свою обиду. Потом можно текстом изложить свои чувства, переписать их в положительном акценте со словами прощения... Я недавно работала с одной женщиной, которой посоветовала написать пись-

мо обидчику со всеми эмоциями, и их, помимо обиды, оказалась туча...

– Я ничего не собираюсь им писать!

Лена вновь с негодованием перевела дух – как тяжело помочь человеку, который категорически не хочет понимать ключевые моменты своих проблем.

– Да мы не будем отправлять! А просто сожжём. Практика есть такая, с помощью которой можно попытаться избавиться от злости и прочего негатива... Есть и другие методы, конечно...

– Я знаю, о чём ты, – прозвучало ещё большее неприятие в голосе. – И ты знаешь, что я к ним не готова.

С сожалением кивнув, Лена посмотрела на сестру. Ничего-ничего, совсем скоро она сможет переступить через себя. Жизнь заставит. Возможно, через боль. Но как иначе мы можем прийти к собственной трансформации? Жаль просто, что боль эта, скорее всего, будет сильнее, чем даже та, которую Света переживает в данный момент.

– Я понимаю, – вдруг сказала Леночка, – что тебе не хочется принимать мою помощь из-за непонимания тех вещей, которых, как ты считаешь, не существует, потому что они невидимы. Постарайся понять: нам часто кажется, что прошлое пройдено и забыто. Страхи преодолены, обиды прощены, гнев укрощён. На самом деле зачастую всё это зажато глубоко в душе и проявляет себя в самый неподходящий момент. Оно никуда не девается. Но на эти страхи и обиды на-

кручивается новенькое. И так до бесконечности. Если твоё подсознание показывает это во снах, значит, этот негатив остался и оказывает влияние на твою сегодняшнюю жизнь. Наше окружение ведь меняется в зависимости от того, что происходит внутри нас.

– И что? Вот сейчас я всё это сделаю, напишу – и сразу всё наладится? – Свете никак не удавалось усмирить в себе это настырное желание язвить.

– Нет, – улыбнулась Лена. – Так просто с этим не справиться. Периодически у тебя будут появляться ситуации, указывающие на те внутренние проблемы, которые тормозят и блокируют ту или иную сферу твоей жизни.

– Да, я действительно этого не понимаю, – буркнула та, нахмурившись.

– Вот смотри, – терпеливо продолжала Леночка, – как получилось с Марком. Ты видишь через сон то, что тебе мешало. Испуг, страх, и, как следствие, – гнев. Все помнит твоя душа. Так или иначе, теперь у тебя могут появляться или повторяющиеся случаи, или какие-то частые эмоциональные порывы, которые способны привести к депрессиям или, напротив, эйфории. Всё это нужно замечать и анализировать. Ты только что начала работу с эмоциями из детства. Главное, не останавливаться. Тогда ты сможешь постепенно преодолеть то, что тебя зажимает, и вывести свою жизнь на новый уровень.

Ох, эти Ленкины рассказы! Ведь ничего не изменилось

за это время! Как любила она свои странности, так и увлекается ими. Сама там что-то практикует постоянно. Она и раньше Свете рассказывала. С одной стороны, младшая сестра не верила в это все и её больше забавлял творческий процесс в работах, но где-то в глубине души хотелось надеяться на результат.

«Меня оно не касается»

Тяжело свыкнуться с мыслью, что тебе не просто нужно вырвать из жизни близкого человека... тяжело принять его как своё прошлое, требующее себя немедленно забыть. К этому Свете пришлось именно привыкать через принуждение... принуждение стереть из памяти до дыр.

Но, как сказала ей Лена, для того, чтобы сделать всё это, сначала нужно принять. Принять человека, обидевшего тебя со всеми его недостатками и той болью, которую он тебе причинил. Принять со смирением и осознанием, что это опыт и, если история случилась в твоей жизни, то значит, этот опыт крайне необходим тебе для роста. Это, наверное, самое сложное – принять, понять, простить и отпустить.

На эту работу со своей душой у Светы ушло несколько недель. Напрочь выбросив Марка из планов, но оставив в мыслях, она пыталась свыкнуться с его отсутствием, параллельно прощупывая свою боль с каждой ее стороны.

Углубившись в это, Света непременно ушла бы в депрессию, но рядом всегда находилась Лена, которая тут же вытягивала ее из небытия, едва не ставшим пропастью. Но это хорошо, что сердце Светланы работало через боль. Потому что сначала эта боль поглотит в себя всё уставшее от мучительных терзаний существо, затем превратится в ненависть, и уже потом – в равнодушие. И только последнее поможет

беспристрастно решить все проблемы и начать новую жизнь. Но путь к этому не такой уж и быстрый.

И поступок Марка ускорил её движение вперёд. Да, он стал в сознании верной Светы фатальным и необратимым для продолжения совместной жизни. Поэтому и боль, и ненависть, и равнодушие ускоренными темпами проходили в душе пункты своего назначения и достаточно быстро привели ее к мысли – «пора кончать этот спектакль».

Удивляясь собственному спокойствию, с которым Светлана пришла в родные стены прощаться с Марком, она окинула взглядом обстановку. Нет. До конца боль и ненависть не оставили ее – смешанный приторно-табачный запах его одеколона и духов подруги заставили вновь почувствовать пробежавший по телу лёгкий озноб и тошноту. Причиной этого стало нежелание видеть физиономию, отнявшую у нее пять лет жизни, которые можно было провести совершенно иначе... в поисках истинного счастья, а не притворного.

Света присела на табурет в кухне, чувствуя себя абсолютно чужой среди этих вещей, принадлежащих малознакомому человеку.

Щелчок открывающегося замка заставил её успокоиться и настроиться на беспристрастный разговор, в котором место должно отдаваться только фактам, действиям и последствиям. Но никак не чувствам.

Увидев ее сидящей в кухне у окна и горькой улыбкой встречающей его, Марк засиял, потом изобразил на лице се-

рвѣзность и бросил ключи на трюмо. Терпеливо ожидая его суету в ванной с мытьём рук, переодеванием и, наконец, с попыткой заварить им обоим чай, она молчала, продолжая сверлить его неизменным взглядом.

– Может, заговорим, в конце концов? – хриплым голосом спросил он, взяв на себя смелость обернуться.

Она с равнодушием пожала плечами:

– Давай.

– Я обрывал твой телефон, ты видела? Трудно не заметить... Сегодня посчитал даже – сорок пять раз набирал тебя.

– Первые две недели, – с упреком указала она.

– Мало, да? – в глазах мелькнул искромётный гнев. – Что ещё нужно было?

– Ещё нужно было хранить верность, к примеру, – ухмыльнулась она.

– Ты меня хочешь упрекнуть в неверности? – внезапно воскликнул он. – Ты где была этот месяц, Света?

– У самого близкого мне человека, который открыл глаза на многие вещи, – спокойно отвечала она.

– Правда, что ли? Может, познакомишь?

– Ты знаком с этим человеком, – улыбалась Света. – Очень хорошо.

– Ах, вот как! – удивительно, но сейчас она видела в его глазах ревность, и тут же погасила вспыхнувшую надежду Лениными словами: ревность – это не проявление любви, а

чувство собственности. – И кто же это?

Света пропустила мимо ушей его слова, ибо сейчас ее занимал один истошный вопрос, звучащий эхом в мыслях: что я в нем нашла? Смазливая девчачья внешность, невероятная худоба, противное жеманство – перед ней будто стоял чужой человек, которого она видела впервые. Это после пяти лет совместной жизни!

– Это Лена, – сказала она и вновь улыбнулась. Улыбнулась не ему, а своему прозрению.

С удивлением сощурившись, он, очевидно, пытался уложить услышанное в голове.

– Странно, что ты вдруг решила прислушаться к ней.

– Ничего странного. Я счастлива, что все случилось именно так. Теперь я вернула сестру и обрела свободу.

– Свободу? – он с гневом скривился. – Это что ты имеешь в виду? Я не собираюсь с тобой разводиться!

Вот как? Неожиданно. А она думала, что он ждёт этого!

– Я обрела свободу, не зависящую от твоего решения, – монотонно проговорила она. – Наливай уже свой чай. Можешь чего-то покрепче. Себе. Потому что диалог предстоит долгий.

Сейчас он выглядел в ее глазах жалким. Таким несчастным и ни на что в жизни без нее негодным! Почему? Сама не понимала. Но ей хотелось утешать его, как маленького ребёнка. Даже на какой-то миг она забыла, что не так давно чувствовала себя уничтоженной. Уничтоженной им.

– Хорошо, – он подал ей чай, что вновь удивило ее – какая обходительность. Раньше это нужно было выпрашивать, будто жемчужину со дна океана. – Очень интересно послушать, как ты провела этот месяц и чем объяснишь своё отсутствие.

– Я не собираюсь отчитываться перед тобой, Марк, – вдруг поставила в известность она. – К тому же, свои претензии, как видишь, все ещё держу при себе, хотя сказать есть что.

Ей казалось, что он догадывается, в чём дело, но продолжает играть роль несведущего и обиженного.

– Интересно, – хмыкнул он.

– Первое – я подала на развод, – информировала она, стряхнув с ложечки остатки чая, даже не глядя на него.

– Я же сказал...

– Второе, – повысив голос, перебила Света, – я знаю о твоих отношениях с Катей, что, собственно, и является причиной развода.

Его застывшее лицо вмиг покрылось красными пятнами, она вдруг с облегчением осознала, что он не будет перед ней оправдываться. И Марк молча ожидал ее дальнейшей речи.

– Третье, хотелось бы решить все полюбовно, с разделом имущества и прочими нюансами, чтобы не тратить время на пустые разборки. Я думаю, это реально?

Она поразилась – к этому моменту прошла вся трясучка, и ее душой овладело даже некоторое хладнокровие. Марк от злости перебирал желваками, и ее это почему-то умиляло.

– Марк, – повторила она, – нормально будем разводиться или с боем?

– Да что ты заладила? – со злостью буркнул он. – Прямо там! Разводиться сразу. Сама виновата.

– Вот! – она указала на него пальцем. – Мне очень интересно узнать, в чем, потому что ответ на этот вопрос знаешь только ты.

Она искренне хотела услышать сторону мужа, чтобы посмотреть на ситуацию его глазами и не повторять своих ошибок в будущем.

– Как же? А Лена не знает?

– Лена, как и я, может только догадываться.

– Во-первых, ты – карьеристка, Света. И работа – это твой первый интерес.

Она слышала победную нотку в голосе Марка – он открыто радовался возможности подчеркнуть ее минусы.

– Тебе не хватало моего внимания? – спросила с наигранным беспокойством она. – Или же моей ласки?

– Ты постоянно была в командировках...

– В командировки я ездила раз в квартал во время отчётов, Марк, это не так часто. Дальше. Нам хватало бы только твоей зарплаты, если бы я сидела дома?

– Нет, но это не меняет того факта, что ты – карьеристка.

Да, Света понимала, что отчасти Марк прав, и она перебарщивала. И в этом играло роль исключительно желание кому-то что-то зачем-то доказать. Но, с другой стороны, в

условиях кризиса возможно ли жить на одну зарплату бригадира в строительной фирме, если этих денег катастрофически не хватало даже на нужды самого Марка? Какое строительство в маленьком городишке с населением в пятьдесят тысяч человек?

– Ты... – собравшись с духом, он решил высказаться. – Короче, Света. Ты или погружаешься в свои отчёты, таскаешь их домой, клацаешь до полуночи на калькуляторе и в своём «буке». Или собираешь своё барахло и куда-то мчишься что-то там снимать, как будто закат или полнолуние последние в этой жизни. Твоих увлечений я вообще никогда не понимал!

– В том-то и дело, Марк. Ты не поддерживал мои маленькие слабости в виде увлечения... хобби, занимаясь которым я успокаиваюсь и восстанавливаю в себе силы в перерывах между работой. А ведь можно было помочь мне таскать всё это «барахло», совместив мои интересы с приятной прогулкой и прекрасным времяпровождением, правда?

– Да это твоё увлечение! – возмутился он. – И меня оно не касается!

– И снова – да, Марк! – с горечью произнесла Света. – Не касается. И те фразы «всё моё – твоё» и прочая дребедень остаётся пустым звоном. Тебя не касалось ничего из того, что было для меня важным. Карьеристка? Да, не без этого! Но почему? Потому что ты живёшь без цели, а я к чему-то стремлюсь! Но ведь хоть кто-то должен думать о будущем... о благе для семьи... Или нет?

Пожав плечами, он, и правда, всем своим видом давал знать, что его это всё не касается. Да что тут расплытаться, пытаюсь объяснить ему, что его стремление к карьере, если бы оно существовало, она только поощряла бы? Но говорить об этом никакого смысла не виделось. Никакого.

– Как женщина может быть слабой, если мужчина требует от неё наличия силы своим бездействием? А тебя мне часто приходилось пинками из дома на работу выгонять. Поэтому давай не будем больше беседовать на тему карьеризма.

– Как скажешь, – безразлично отрезал он, и Света томно закатила глаза: амёба! Ну ведь реально бесхребетное существо. – Так что там по разводу? Я так понимаю, тебя не переубедишь...

– Скажи, Марк, ты хотя бы когда-то любил меня? – вдруг спросила она.

– Конечно, Света, я и сейчас тебя люблю, – на своем лице он изобразил надежду, но Света рассмотрела в этом лишь жеманство.

И вдруг она осознала, что любви никогда не существовало, на самом деле, а это притворство в его глазах было привычным с самого начала.

– Какой ужас! – оторопела она. – Ты действительно меня не любил! Как можно было так слепо верить тебе?

И такое ощущение, что в этот момент с неё свалилась не гора, а целый горный массив, под которым прятались остатки каких-то чувств.

– А ты? – вдруг послышался дерзкий возглас, скрывающий в себе намерение отомстить. – Ты меня когда-нибудь любила? Если так просто, даже не пытайся разобраться в ситуации, стремишься уйти. Любила? А?

– Надеюсь, что нет! Всем сердцем надеюсь! – своими словами она разжигала в нём ярость, но совершенно не беспокоилась по этому поводу. – И когда мы разведёмся, планирую расправить крылья и полететь. Потому что за этот месяц без тебя я вдруг поняла, как сильно ты меня приземлял. И как много у меня появилось свободного времени. Причём, не от домашних дел, не от работы, не от жизни с тобой. А от постоянных попыток привести тебя в чувство, в движение. Я понимаю, что ты никогда ни к чему не стремился, ты никогда не делился со мной мечтой, потому что её в тебе не было. Ты приземлял меня, тянул куда-то вниз, и я позволяла это делать. Да, виной всему женское стремление руководить мужчиной, принуждать его к действию. Зачем? Теперь я понимаю, что это ни к чему не приводит. Женщина тянет всё на себе, а потом сама же укоряет мужчину в его слабостях. Конечно, я виновата! Не бывает такого, чтобы за отношения нёс ответственность кто-то один. На всё есть причины.

– Хорошо, Свет, ну страшил я! Да! Но она сама полезла ко мне! Катя твоя.

– Марк, ты опять ведёшь себя не по-мужски. Даже если и так, но ты ведь не стал сопротивляться. Нет. Хотя, знаешь... дело даже не в этом. А в том, что ты просто вытер об меня и

мою постель свои ноги. Постель, в которой я потом спала...
В этой грязи с твоих ног.

Больше говорить не хотелось.

Глава 3. «Вы были в космосе?»

«Я только что спас вам жизнь, правильно понимаю?»

Взглянув на смартфон, Константин задумчиво поджал губы. Непорядочно копаться в чужих вещах, тем более таких интимных. Всегда считал телефон о-о-очень личным, почти как бельё. Но что-то подсказывало пойти против собственных принципов... Это возмущало, и одновременно умиляло, ибо причиной всему стала чарующая девушка, пару мгновений назад танцевавшая перед ним в коктейльном платье.

«Я ведь не буду читать смс. Зачем они мне? – мысленно оправдался Костя. – Я просто хочу иметь какое-то представление об этой персоне. И если пароля на разблокировке нет, то я продолжу. Если есть – не судьба».

Да, это не совсем мужское решение. Но такую маленькую подлость он позволял себе нечасто.

Палец скользнул по сенсорному дисплею, и экран осветил самодовольную улыбку мужчины.

– Я не виноват, – иронично прошептал он. – Просто звёзды сошлись.

Чуть притормозив на селфи незнакомки с мягкими и

жизнерадостными чертами, Костя принялся быстро листать фотки. Времени мало, необходимо как можно скорее найти... Что он искал? Да непонятно даже ему! Нечто такое, что могло бы его заинтересовать помимо привлекательных внешних данных и изящной фигуры, дефилирующей перед ним несколько минут назад.

Все фото были выполнены владелицей телефона, – к этому выводу склонялся Константин интуитивно. И ещё можно однозначно заявить, что снимки имели единый стиль и почти в каждом из них удавалось рассмотреть нечто большее, чем просто гармоничную композицию. Где-то виделась драма, где-то – сарказм, где-то – жизнь...

Перед ним мелькали фотографии с посторонними людьми, портретные снимки незнакомки, преимущественно на фоне облаков или заката, а также различные предметы, содержащие философский подтекст, но на трактовку которых времени не было. Не то! Всё не то! Должно быть что-то простое, могущее дать представление об этой молодой женщине.

И его взгляд застыл при виде странного снимка: в центре пустой комнаты с облезшими и выцветшими от старости стенами, на которых прорисовывались обрывки ветхих обоев, находилась книга. Обыкновенная закрытая книга, выделенная на общем фоне яркой обложкой в желто-лиловых тонах.

И этот маленький четырёхугольный предмет втягивал в себя чёрно-белую комнату, подчёркивая малозначитель-

ность огромного мрачного пространства.

– Итак, девочка моя, – сощурил глаза Костя, пытаясь по фото дать характеристику незнакомке, – хочешь сказать, что ты серая мышка с богатым внутренним миром? И кажется, с болезненным прошлым.

В последнем пункте он сомневался, ибо сделал о нём вывод по клочку смятой газеты в дальнем углу комнаты. Да, иногда Константин очень тонко видел чужие души. Порой ему даже казалось, что он обладает каким-то даром... Но нет, дело не в провидении, – его прагматичная натура подразумевала всего лишь психологию.

Так, Костя, лучше догнать её сейчас и хотя бы частично удостовериться в своих догадках. Иначе за время твоих колебаний она отдалится настолько, что ты просто передашь этот нужный ей предмет через третьих лиц.

Почему хочется узнать её поближе? Потому что всего несколько минут назад его сильное сердце на мгновение замерло при взгляде на эту женщину.

Наиболее вероятно, что он вообще не заметил бы её в бу- тике буквально пару минут назад. Ведь этот вечер начинался вполне обыкновенно, без явных предпосылок для приключений или увлекательных знакомств.

Под легкий темп музыки «прованс» Костя составлял презентацию в своем планшете. Рядом крутилась спутница Кристина – еще та юная фурия, настырно просившая помочь ей в выборе наряда. Как и любой нормальный мужчина, Кон-

стантин тяжело переносил нюансы женского шопинга и считал его коварным испытанием мужского терпения.

На предложение обслуживающего персонала: "Вам кофе, господин Ордынцев?", – он ответил равнодушным согласием. "С сахаром или без?" – не унималась клиент-менеджер, и тогда Костя отрешённо уткнулся в горящие учтивостью глаза.

Скукотища! Одно и то же во взгляде этих девиц: надежда на судьбоносную фортуна, жажда уловить состоятельного счастливица, обеспечить себе легкое будущее. Это так предсказуемо! Уважающая себя девушка без корыстных намерений, не станет выстилаться перед мужчиной до абсурда... А в тот момент Косте показалось, что продавщица выгнет спинку, будто кошка на коврикe у его ног. Никакого уважения к себе.

«Я оставлю тебе внушительные чаевые!» – мысленно пообещал он и равнодушно отвел взгляд, а вслух ответил:

– Без сахара. Крепкий.

Принесенная чашка заманчиво дымилась божественным ароматом, когда, отвлёкшись от дисплея, Костя скользнул взглядом по помещению и сфокусировался на объекте из соседнего зала. Их разделяла полупрозрачная перегородка – дизайнерская шторка с имитацией сплывающего шоколада по стеклу, которую Костя оценил с порога.

Но в этот момент стиль бутика со всем его вычурным декором и меблировкой стали только фоном для порхающей

у зеркал артистки. И прежде всего мужской взгляд оценил гибкость линий женского тела, изящно облегаемого глянцевой тканью. Пепельно-русые локоны, небрежно разбросанные по оголённым плечам, временами вздымались будто от ветра, ибо незнакомка кружилась вокруг себя. Один раз она, будто балерина, встала на носочки, что сделало её выше и еще грациозней. Но, увы, незнакомка настырно прятала свой взгляд в самолюбовании, и это мешало мужчине заглянуть ей в глаза. Ведь именно с них он надеялся считать её мысли, точно так же, как пять минут назад он сделал это с продавщицы.

С невольной улыбкой Костя наблюдал, как она сменяла свой танец на грациозный шаг, или же попросту плавно водила руками в воздухе, будто позировала перед фотографом. И у него неизбежно возник вопрос: откуда в этом невероятно скучном месте, до тошноты переполненном пафосом, мелькнул такой скромный отблеск жизнелюбивого фейерверка?

Возможно, это закончилось бы его мимолетным восторгом и, заплатив за покупки своей привереды, Костя скоро вернулся бы домой с мыслями о долгожданном отдыхе... но все сложилось несколько иначе...

Увидев, что актриса направилась к дверям, он на мгновение задумался и бросил взгляд сквозь витрину на улицу, где метель всего полчаса назад играла свою зимнюю пьесу, достигнув апофеоза. Казалось, её ритм немного утих.

Догнать? Да зачем ему это? Обыкновенная чудачка... да,

возможно, чем-то отличается от большинства женщин из его окружения. Ну и что с того? Таких, может, полстолицы! Так что же, за каждой бежать?

Но сердце противоречило прагматичному разуму, предчувствуя, что незнакомка его способна осчастливить. Но... нет! «Лень», «устал», «не тот возраст», – самооправдание взяло верх, и, уткнувшись в планшет, Костя устроился поудобнее на комфортном диване.

– Юль, это твоя клиентка забыла? – едва расслышал он женский голос.

– Оставь в коробке находок.

– Так она только вышла за двери! Может, догонишь? Телефон всё-таки...

– Посмотри на телефон и подумай: стоит ли надрываться? Устроила мне тут квест по знанию ассортимента... У самой, небось, денег даже на каблук нет.

Понимая, что этим всё и закончится, Костя шумно перевёл дух, отложил планшет и подошёл к продавщицам, тут же расплывшимся перед ним в улыбки. После упрекающего замечания гостя клиент-менеджер Юлия уже готовилась схватить шубку и бежать за девушкой, как он самовольно взял телефон из её рук и съехидничал:

– Не надрывайтесь...

В одно движение он вытащил карту из портмоне и бросил на журнальный столик, в другое – накинул на себя пальто.

– Бери всё. Тут деньги. Я – на улице! – на ходу крикнул

он своей изумлённой спутнице.

Уже в дверях Костя с удивлением обнаружил в кармане женские перчатки.

– Пальто перепутала? – пронеслось мысленное недоумение. Но терять время на возвращение не стал.

Перчатки он всунул обратно в карман, а смартфон почему-то манил Константина узнать что-нибудь интересное о хозяйке буквально перед выходом из вестибюля.

Зажмурившись от налетевших на лицо снежинок, Константин тут же огляделся по сторонам. Куда могла пойти? Влево? Вправо? Поймала такси?

По прочищенному тротуару сквозь белую пелену стихшей метели просматривалось несколько силуэтов... Да как он её узнает? Нет, нужно возвращаться.

Но взглянув на мобильный, вновь задумался. Сейчас или никогда!

Да не могла она так быстро исчезнуть! Он всмотрелся вдаль, и одна фигура, вышедшая под поток желтоватого света из-под вычурного столба с тремя огромными фонарями, показалась ему знакомой. Да, отошла она далековато, но останавливаться либо возвращаться стало бы глупостью не в его стиле, поэтому Костя бросился за ней, наращивая темп.

– Простите! Девушка! – окликнул он незнакомку, но, очевидно, из-за шума ветра остался не услышанным.

Следуя за ней, вдохновлённый увиденными фото, Ордынцев пытался представить комнату своей души. Как её изоб-

разить в композиции? И внутренним зрением он увидел замкнутое помещение в стиле хай-тек с дырой посередине. Нет, не дырой – выходом... выходом в другой мир, более привлекательный для него. Ибо оставаться задушенным фальшивой роскошью ему давно опостылело.

Но если говорить ещё более честно, то он чувствовал некое сходство у двух комнат... Наверное, именно это заставляло его сейчас устремиться к этой женщине, чужой, но кажущейся такой чувственной.

Пришлось ускориться навстречу вьюге, обрушившей на пешехода облако снежинок, тут же защекотавших холодом оголённую шею. В тот самый не очень приятный момент Костя настиг свою беглянку и в нетерпении схватил за руку, развернув к себе лицом. Начать диалог помешала одышка, и мужчина чуть наклонился вперёд и прокашлялся.

– Ох, и быстро же вы... ходите, девушка...

– Возможно, это вы редко бегаете? – слегка опешив, ответила та, ибо её немного возмутила его нахальность. – Чем могу быть обязана?

Итак, теперь их разделяла только небольшая стая падающих снежинок. Свет от витрины за спиной Константина желтоватым отблеском лёг на лицо собеседницы, и он смог её рассмотреть. Да, хотелось убедиться, что его царское величество не напрасно оторвалось от дивана и преодолело целых сто-двести шагов в погоне за незнакомкой.

Вот есть женщины, которых не назовёшь роковыми кра-

савицами, но в них присутствует некое обаяние. Её милостивые черты лица излучали какой-то тихо льющийся из души свет... такое ощущение, что эту нежность он почувствовал, даже не коснувшись к ней. И невероятно впечатляли глаза... выразительные и пронзающие пылкостью до самого сердца... в них на какое-то мгновение Костя растворился.

– Ваши? – не отводя глаз, он протянул ей перчатки.

– Нет, – улыбнулась девушка и показала соблазнительные ямочки на щёчках, – мои – на мне.

– Я подумал, что их забыли вы...

Наигранное удивление на его лице выглядело почти настоящим, и Света ему поверила.

– Как видите, не я. Отдайте продавцам... – пробормотала она и хотела пройти дальше, но он вновь преградил ей путь.

– Мне кажется, вам стоило приобрести то платье.

– Какое платье? – она с недоумением сощурилась.

– Я сказал бы синее, но современность назовёт его сапфировым, – такая мягкая и уместная ирония вызвала в ней интерес, который она скрывала за мнимой серьёзностью. – С оголёнными плечами и завлекающим боковым разрезом. Оно потрясающе импонировало вашим нежным чертам.

– А я ничего не собиралась покупать, – отвечала та.

– Н-нет? – удивился он. – Изначально не собирались?

– Этот бутик не по моему карману, – смеялась девушка, и казалось, признание невероятно её удручало. – Я зашла туда просто согреться...

«Ордынцев, ты осёл! – подумал он о себе. – Поставил девушку в неловкое положение. Теперь выкручивайся».

– Потрясающе! – с улыбкой ответил он, смахивая с головы облепившие его снежинки. – Не мог даже предположить ничего подобного.

А девушка по имени Света смущённо улыбалась. Конечно, не мог! Она же не будет ему объяснять, что шла с работы пешком. Денег нет ни на кофе в какой-нибудь забегаловке, ни на маршрутку. Транспорт к её дому не подходит, идти с ближайшей остановки столько же, сколько она уже преодолела... Да и зарплату перечислят только завтра. Поэтому смеялась она исключительно для того, чтобы скрыть свою досаду.

А платье... Да, отчаянная модница взяла бы кредит, чтобы исполнить свою очередную мечту, но на такой риск Света решиться не могла. Несколько минут назад она впервые в жизни имела шанс лицезреть себя дорогой женщиной, изысканной и манящей – образ, о котором невольно мечтает каждая, строящая планы большой карьеры.

Но всё менял взгляд в отражении зеркала, преследующий её всю жизнь... А именно, взгляд провинциалки, в котором властвовала прежняя неуверенность, так часто её останавливающая.

Да, Светлана позволила себе немного покрутиться перед зеркалом, игнорируя оценивающий взгляд важной цыцы – клиент-менеджера Юлии, обслуживающей её. Но, назло всем, она решила не заморачиваться на своих сомнениях, а

оставила в памяти образ роскошной женщины, как мотивацию для достижения целей. "Эх, психологи, не понимаете вы ничего в тренингах... – думала она, выходя под снегопад на улицу. – Вот лучшая целительная практика для любой женщины: бутик, платье, вера в себя – и ты звезда!"

– Итак, Светлана...

В её глазах вспыхнуло недоумение.

– Откуда вы знаете мое имя?

Костя застыл. «Ордынцев, ты дважды осел! Теперь признайся еще, что ты рылся в ее телефоне».

– Так вы сами сказали только что, – невозмутимо вытаращился он.

– Сама? – растерянно удивилась она и сразу предположила: может тогда, когда на мгновение задумалась, пытаюсь вспомнить, где именно в бутике находился он.

В этот момент над ними что-то зашкряпало, и Костя взглянул вверх.

– Так, позвольте, – не дожидаясь согласия, он взял изумлённую девушку за кисть и, прокружив вокруг себя будто в танце, остановил на полшага дальше от места, где они стояли.

Затем вновь обеспокоенно посмотрел наверх, и уже после – с улыбкой в её глаза, встретившие его внезапной яростью.

– На чём мы остановились?

– У меня к вам убедительная просьба больше не касаться меня без разрешения! – гневно выпалила она. – Что вы себе

позволяете?

Очередной скрип сверху прервал её эмоциональную агонию, хотя в планах было нотаций на парочку минут. Затем какой-то грохот, глухой стук, и ей в лицо влетело несколько снежных комков... Это ещё что?

Стряхнув снег, Светлана осмотрелась. Куда пропал этот наглец? С ужасом обнаружив его лежащим на земле, она громко позвала:

– Молодой человек!

Без чувств? Или притворяется? Вздёрнула голову, посмотрев туда, куда до падения поглядывал он. Очевидно, с крыши здания скатилась снежная шапка, подобная той, что нависла чуть дальше. Господи, с высоты ведь летела! Он хоть живой? Упав на колени, Света принялась теревить его за щёки.

– Мужчина! Эй! Вы слышите меня?

Не реагирует. Что делать? Кричать? Звать на помощь? Я ведь не умею «откачивать» людей!

Паника в мыслях на мгновение её растеряла. "Так, успокоиться! – приказала Света себе. – Нужно звонить в скорую!"

Принявшись истошно искать в сумке телефон, она тихо вторила:

– Только не умирай, я не смогу с этим жить...

Ах, эта сумочка, извечный бермудский «треугольник»! И только нервно вытряхнув содержимое на снег, она поняла, что телефона у неё нет.

– Не это ли ищите?

С улыбкой на лице он поднялся и протянул ей гаджет. «Идиот!» – вопили её мысли.

С психом выхватив смартфон, она принялась складывать в сумку своё добро.

– Детский сад, – со слезами на глазах буркнула она. – Думаете, смешно? Я уже орать во всё горло собиралась... чтобы людей позвать.

– Ну простите, – поднявшись, виновато сказал Костя, – позвольте, я вам помогу?

– Я сама! Не стоит утруждаться! – отшвырнув его руку помощи, она нервно застегнула сумку.

– Шутка не удалась, – он с сожалением сомкнул губы. – Вы какая-то напряжённая... Постарайтесь смотреть на жизнь с улыбкой.

– Вы знаете, сколько человек за сезон погибает от сосулек и снега, падающих с крыш?

– Нет, – с недоумением ответил он. – Сколько?

Запнулась... Да не помнит она, ясное дело. Кто там изучал эту статистику?

– Много! – разозлённо буркнула Света и уже собралась покинуть этого странного человека, как он остановил ее комментарием.

– То есть я только что спас вам жизнь, правильно я понимаю?

Взглянув на снежный след его фигуры, Светлана вдруг

осознала: до того момента, как Костя так галантно её переместил, она стояла именно на этом месте.

– Вы знали? – обомлела она.

– Предполагал. В жизни ничего нельзя знать наверняка.

Разумеется, этот момент заставил Свету незамедлительно простить своего героя.

– Не факт, что это закончилось бы так трагично, – по-детски насупилась она. – С вами ведь всё в порядке.

– Итак, – с ободрением произнёс Костя, дабы продолжить беседу на прежней положительной ноте. – Позвольте ещё раз заметить, я спас вас от снежной лавины...

В ответ на это она захохотала: как громко сказано, и главное, с победной нотой в голосе, будто они и правда находились в экстремальных условиях где-нибудь в горах.

– И я вернул телефон, – обратил внимание он, – который вы забыли...

А вот это точно! Забыла ведь.

– Теперь и вы должны мне кое-что.

– Ну и что именно? – расплывалась в улыбке она.

Да, он восхищал – присутствовало некое искреннее обаяние.

– Во-первых, позвольте представиться. Константин, – ответил он. – Так вот, я, как более-менее джентльмен, не могу допустить, чтобы вас замело где-нибудь поблизости в небольшой, хоть и симпатичный сугроб. Поэтому был бы невероятно рад вас подвезти...

Она с подозрением сдвинула брови.

– К чему этот «более-менее джентльмен» вдруг решился на обходительность?

Такого прямолинейного вопроса он не ожидал, но ему это почему-то понравилось.

– Мне показалось ваше пальто слишком тонким для такой погоды... Тоже не ожидали метели?

Она снова оторопела. Ну прямо сплошное провидение: тут от снега спас, а тут заметил, что замёрзла. Такая обходительность становилась подозрительной.

– А вы? – вдруг нашлась она и поняла, что только сейчас обратила внимание на его вид. – Без головного убора в пургу... с распахнутым пальто... И вообще... после падения в снег... Вы не окоченели? – в глазах прояснилось реальное беспокойство, что привело Костю в умиление.

– Вот, – подтвердил он. – Вместо того, чтобы незамедлительно принять моё предложение, вы продолжаете демагогию...

Разумеется, любая женщина посчитает легкомысленным садиться в машину к незнакомцу. Но замёрзшая женщина серьёзно задумается над этим вопросом. Светлану ждал двадцатиминутный путь в прежних условиях, и продрогшее тело молило его пощадить.

Взглянув в глаза Константину, она ясно заметила в них доброту, хоть и несколько ироничную. И почему-то это внушало ей доверие.

– Я, пожалуй, соглашусь, – тихо сказала она, и Костю это невероятно обрадовало.

На подступах к автомобилю им пересекла путь вышедшая из бутика девушка с несколькими пакетами в руках. При виде нагламуренной особы в лиловом приталенном пальто, Света настороженно взглянула на своего ухажёра.

– Эта дама с вами? – спросила негромко она.

– Да, – улыбнулся он, – это не дама. Это моя сестра.

– Костян, – как-то неприятно на слух пропищала та, – где ты ходишь? Я окоченела... Мои перчатки у тебя?

Вот и хозяйка рукавичек нашлась. Тихонько усмехнувшись, Света даже не стала обращать внимание на бесцеремонность девушки.

Прозвучавшая сигнализация указала на один из стоящих в ряд автомобилей, и от изумления Светлана опешила, слушая дурное предчувствие сердца. Авто всегда подчёркивает статус хозяина... И этот статус шоколадного оттенка премиум-класса показался Светлане заоблачно высоким... Ещё выше, чем этот французский бутик...

«Убежать... сейчас же исчезнуть и не видеть его никогда больше...» – первые мысли и тут же попытки взять себя в руки.

Света знала причину на этот вопрос: мужчин подобного типа она всегда избегала, поскольку отношения с ними, как показывает практика её знакомых, ничем хорошим не заканчиваются. С другой стороны – чего можно было ожидать, ес-

ли парень одел сестру в бутике, где цена одного платья соизмерялась с её зарплатой за пару месяцев? Но идти на попятную сейчас было бы смешно.

– Светлана, это Кристина. Кристина, это Светлана. Очень приятно, спасибо, пожалуйста. Присаживаемся!

Костя мягко подтолкнул сестру к задней дверце.

– Кристина любит ездить на пассажирском сиденье, – шутливо объяснил он. – Оттуда обзор получше.

– Это местные приёмы пикапа? – негромко буркнула та.

– Кристин, давай притворимся, что ты взрослая? – тихо приструнил ее Костя.

– Ты на что намекаешь?

– На твою бестактность.

Принимая ухаживания Кости, Света подала ему руку и присела в машину, чувствуя, как лицо сковала смущённая улыбка.

В автомобиле она осмотрелась. «Потёмкина, не вздумай тут чего-то касаться!» – мелькнуло в мыслях. А когда приборная панель вспыхнула светом множества индикаторов, Света со смехом выпалила:

– Как в космосе.

– Вы были в космосе? – наигранно удивился Костя.

– Только оттуда, – поддержала шутку она.

– И что вы там делали?

– Мечтала, – хотелось сказать это с грустью, но общение настолько ее вдохновило, что губы сами по себе расплылись

в улыбке.

Остатки напряжения растворились в тепле, любезно предоставленном подогревом сидения, и Света обмякла, чувствуя, как наслаждается околевшее на морозе тело.

– Вам комфортно? – побеспокоился Константин, и она довольно улыбнулась.

– Более чем, благодарю.

Ха! Комфортно ли ей? Мягко «лететь» на седане премиум-класса, горделиво поглядывая в окно на пешеходов, которые пытались закрыться от летящего в лицо холода – это не комфорт, это блаженство! И пусть архитектура, богато украшенная снежными гирляндами и округлыми воздушными комами, изумляла своей живописностью, это зимнее королевство могло казаться прекрасным только тогда, когда смотришь на него из тепла.

– Светлана, вы работаете? – вдруг спросил Костя. – Или только мечтаете?

Его прищуренный взгляд одарил ее беглым вниманием, затем скользнул по зеркалам заднего вида. И? Разумеется, пусть и в полумраке, ей захотелось рассмотреть своего ухажёра, на лицо которого падал мелькающий уличный свет.

Да, водительское кресло ему импонировало: казалось, что здесь этот парень чувствовал себя за «рулём» Вселенной. Ироничный прищуренный взгляд, доброжелательная улыбка, едва касавшаяся тонких губ, выразительные скулы, овальная граница лица, – с виду Костя казался мягким и по-

датливым. Но вся «няшность» улетучивалась, как только его взгляд перемещался на дорогу или отвлекался на сестру: демонстрировалась строгость, уверенность, решительность.

Попахивало лицемерием. А может, он просто пытается произвести впечатление?

– Светлан...

– Работаю, – опомнившись, улыбнулась она. – В банке... «Бизнес-кредит».

– А, знакомый банк, – хитро сощурился Костя. – И нравится работа?

Она не любила подобных вопросов, поскольку не знала на них ответов, несмотря на то, что они касались лично ее.

– Да я всего несколько месяцев, не поняла ещё. А вы? Чем занимаетесь вы? – она пытливо на него посмотрела, ожидая честного ответа.

– Работаю на руководящей должности в одной торговой компании, – ответил он.

– Ой, Костя, – не выдержала их воркования Кристина, – да признайся же, что ты владелец «МаркетТрейдМод». К чему это влияние?

– Кристин, троллейбусы не ходят, – указал он в окно на стоящий у обочины «рогатый» с мигающими аварийными габаритами. – Или пешком пройдёшься?

Неприятно слышать подобных разбирательств между родственниками, но Света понимала, что Костя чувствовал себя неловко за невежливость сестры, и этот факт свидетельство-

вал о присущем ему приличии.

– Ой-ой-ой, остановите! Мне здесь! Благодарю вас, – Костя повиновался, а она намеревалась уже выскочить...

– Вы уверены?

– Да, конечно. Мне здесь...

– А я хотел пригласить вас погреться в какой-нибудь космической кофейне, – раздосадованно произнёс он.

– В другой раз, – Света выпорхнула из автомобиля.

Он остановил ее на улице и за руку повернул к себе так же властно, как сделал это в первое мгновение их общения.

– Я вам настолько неприятен, что вы хотели улизнуть, не оставив номера телефона?

– Почему же? – смутилась она. – Вы – галантный молодой человек...

– О-о, за «молодого» спасибо. На четвертом десятке это слышать очень мило. Хорошо, давайте серьёзно, – улыбка сползла с его лица, и глаза Светы перепуганно округлились. – Нет-нет, Светлан, не настолько серьёзно!

Представив себя со стороны, она тихо рассмеялась.

– Говорите место и время. Где мне вас ждать?

– Я н-не знаю. Может, в «Дольче»?

– Хорошо. Завтра в семь. А номер?

Казалось, его взгляд пытался вычислить эти злополучные цифры из её памяти, и Света несмело выдохнула:

– Обойдетесь.

Костя не смог удержать ироничное возмущение на лице.

– Думаете?

– Я и так... уже нарушила принципы...

– Ах, – съехидничал он, – вы наверняка не садитесь в автомобиль к незнакомым мужчинам...

– Именно! – строго сощурилась она, готовясь уже объявить об отмене свидания. – Вы слишком настырны, и меня это выводит из себя.

– Я всегда такой на пути к цели, – кивнул он.

– То есть цель – это я?

«Так, словесные прелюдии затянулись и грозятся перейти в перепалку. Но отступать поздно, Ордынцев».

– Так, Светлан, я прошу прощения, если повел себя несколько... хм... настырно.

– Я попытаюсь, – с неутолимой суровостью кивнула она.

– Теперь предлагаю забыть последние пару минут диалога и вернуться к нашему договору: завтра в семь вечера в «Дольче». Н-не знаю, где это, но найду на карте. Хорошо?

– Да, – коротко ответила она и направилась к дому.

Уже на входе во двор Света обернулась, заметив, что машина Константина не сдвинулась с места. Как-то неловко она себя чувствовала, будто находилась под наблюдением.

– Кристина, зачем? – Костя бросил возмущенный взгляд на отражение сестры в зеркале, затем принялся рыться в бардачке.

– Я попросила тебя пойти со мной, а ты вместо того, чтобы уделить внимание мне, клеишь очередную курицу, причём

дешёвую, – капризно возмутилась девчонка. – Мы не виделись около полугода, Костян! Может, не стоило вообще приезжать?

Кристина училась за границей, поэтому наносила визиты в родной город пару раз в год, и то – по значимым событиям.

– У тебя есть таблетки от головной боли? Что-то снежный комок больненько упал...

Но голова действительно раскалывалась, поскольку удар снежной шапки был неслабым – с ног его сбило по-настоящему.

– Что? Какие таблетки, Костян? Ты слушаешь меня вообще?

Он вздохнул, не желая сейчас углубляться в воспитательный процесс. Так, таблеток нет. Теперь надо найти информацию о ресторане, пока не забыл его название.

– Последний курс, сестричка. Потерпи уж, – отвлеченно сказал он, принявшись копать в своём гаджете. – Если захочешь жить в Столице, я тебе всё устрою. Ты не знаешь, где находится «Дольче»? И что это вообще за ресторан?..

– Да уж, – обиженно скрутила губки та, игнорируя его вопрос. – Я вижу... свою жизнь устроишь, а мою – если времени хватит.

Костя бросил на сестру взгляд, полный сожаления. Что бы он ни делал – этого всегда будет мало, поскольку Кристина с детства лишена самого важного аргумента – воспитания. И не только его.

Но сейчас сестра отчасти оказалась права – его всецело занимали размышления о новой знакомой. Почему так зажалась? Что её смутило? Бестактность Кристины или что-то другое?

Ему дико нравилось, что Света не потеряла сознания при виде его автомобиля и не пыталась произвести на него впечатление – вела себя скромно, невызывающе и даже строго. Но он ясно чувствовал напряжение. Возможно даже – страх.

– Прости, сестра. Возможно, я увлёкся, – с сожалением произнёс он. – Но пойми, пожалуйста, что знакомиться с женщинами мне некогда. А личную жизнь хотелось бы устроить. Поэтому иногда теряю голову при первой же возможности.

– Ты не забыл, что не совсем свободен? – ехидно процедила Кристина.

Хотелось сорваться за это напоминание, но Костя подавил свои эмоции.

– А ты не забыла, детка, о том, что человек – это не манекен в драгоценностях, а душа, прежде всего. Ты предполагаешь, что твои покупки чем-то тебя облагородили. А пластику зачем сделала? Чем ты стала лучше в свои двадцать, оставаясь хамкой с искусственным лицом?

– А что мне надо было? С горбатым носом ходить? – вдруг зашлась плачем та. – Ты помнишь? Меня ведь в школе дразнили... Я смотреть на себя в зеркало не могла!

Понимая, что перебрал с прямолинейностью, Костя смяг-

чился в тоне.

– Кристина, в школе всегда за что-то дразнят. У тебя было прекрасное лицо, дурёха. Не ной. Не в красоте дело, родная моя! В душе. В умении оставаться человеком. Будь у меня хоть немного больше времени в недалёком прошлом, ты не стала бы такой...

– Какой, Костя? Ты что, хочешь мне претензии предъявить?

– Нет, моя дорогая, – он едва слышно вздохнул, – какие у меня могут быть претензии к младшей сестре? Но я хочу, чтобы ты поняла одну истину: мы заносимся, поскольку думаешь, что деньги – это весь мир. Поверь, милая, деньги не решают все вопросы вопреки всему, что ты слышала в нашей семье. Напротив, ты даже не представляешь, насколько они все усложняют.

– Я не хочу снова слушать о твоих проблемах, – нахмурилась та. – Я всё понимаю...

– Ах да, и в-третьих, – добавил строгим тоном он, – зачем соврала в том, что я – владелец торговой сети? Ты ведь знаешь, что всё принадлежит дяде. Не стыдно?

– Ты руководишь компанией, значит, владелец, – капризно пробубнила Кристина, скрывая честное объяснение – намерение похвастать достижениями брата. – Ты считаешь, что она твоего уровня? – ехидно спросила сестра.

– Что значит «мой уровень»? – упрекающий взгляд брата заставил её смолкнуть. – Да, у этой Светланы нет возможно-

сти скупиться в бутике, но она ведёт себя куда достойней, чем мы с тобой. Уровень человека не в шмотье от кутюрье, Кристина, а в его душе, в мозгах, если хочешь. Сколько ещё раз я это повторяю, чтобы ты услышала?

Закрыв уши ладонями, Кристина зажмурилась и звонко произнесла:

– Не усложняй своими нравоучениями. Не хочу слушать... Не буду слушать! Не хочу!

Костя только снисходительно качнул головой. Да, он виноват! Пока он раскручивал бизнес дяди, Кристина была отдана себе. Кто мог заняться ее мировоззрением? Вот и получилось, что примером ей стали девицы, заикленные на своей внешности и шпильках. Да что говорить, они, эти девицы, окружают и его жизнь... И совсем недавно его всё устраивало...

«Вышла из того возраста, когда верят в принцев»

– Сестра, кажется, я немножко влипла, – тяжело дыша, она остановилась на пятом этаже, чтобы собраться с силами. – Да, пешком чешу... Лифт опять не работает. Да-да-да, сегодня очередной «мой» день.

– Ничего. Что нас не убивает, делает сильнее, – иронизировала та. – Не обращай внимание, и все пройдет.

Ох, хорошо бы жить по этим «правильным» законам! А куда там ей, мелкой проказнице Свете? Да и знала бы Лена обо всех глупостях... Старшей сестре можно поведать не всё, хотя младшая очень старается. Ведь для нее Лена, как мама, – меньше знает, крепче спит. Тем более, подробности личной жизни младшей после переезда в Столицу со всеми тусовками и случайными связями... не-е-е, Ленка не поймет. Назовёт начинающей алкоголичкой и выпишет целую петицию. Да, о некоторых приключениях Света рассказывала, но таких безобидных, как знакомство с этим красавчиком пятнадцать минут назад.

– Так я не пойму, что ты хочешь от меня услышать? – спросила Лена после того, как сестра рассказала ей о Косте.

– Совет хочу услышать... от мудрой и любящей сестры. Как ошибки делать, я и сама знаю... А вот как правильно поступить...

– Да-да, выбор тебе всегда тяжело дается. Но в данном случае, честное слово, сестра, не понимаю твоих колебаний.

– Лен, – разозлившись в ответ на иронию сестры, Света принялась тараторить, – я вышла из того возраста, когда верят в сказочных принцев. Богатый, интересный, галантный... Ведь в чем-то явно есть подвох. Не маленькая уже, понимаешь? Слишком часто обжигалась...

– Ну, во-первых, если ты будешь ждать этот самый подвох, то он обязательно появится. Во-вторых, для того, чтобы убедиться в том, что твои подозрения не бессмысленны, тебе нужно узнать этого парня поближе. Что ты можешь сказать о нем сейчас? Ничего, кроме того, что у него крутая тачка и хамовитая сестра. Так вот, сходи на свидание, и ситуация немного прояснится.

– Вроде как ты и права... Хочу пойти, да. Но мое сердце чувствует неладное, – тихо призналась Света. – Мужчины такого уровня далеко не всегда порядочны.

– Свет, среди бедняков тоже попадаются козлы. Не убедилась еще? Среди богатых – большинство самоуверенных козлов, конечно, но порядочные люди есть везде. Пообщайся с ним, а потом делай выводы.

– Лена, откуда мне знать, что у него на уме? Может, он как-то там развлекается-извращается... Как бы поздно не было после первого же свидания.

– Света, ты уже давно должна была освоиться в Столице, а ведешь себя по-прежнему как запуганная простушка, – го-

лос сестры поднимал планку строгости. – Не понимаю твоих опасений!

– Не буду скрывать, Лен, – словно с раскаянием произнесла Света, – я очень часто жалею, что уехала из нашего городка. Ты была права, когда говорила, что в Столице добиться успеха очень сложно. И скорее всего – невозможно. Дома больше было шансов в карьерном росте, а тут – во всем борьба за выживание...

– Я была права, когда убеждала тебя ехать в Мегаполис. Там хоть знакомые есть. А что в Столице? – Лена тормознулась, чтобы вконец не расстроить Свету. – Ладно, неважно это всё! Ты уже там, тебе удалось устроиться на работу, найти жилье. Бывают трудности, но, по-моему, у тебя было и посложней...

Не желая заострять внимание на неприятных воспоминаниях, Лена тут же поспешно спросила:

– Как Игорёк? Виделись давно?

– Ну, во-первых, Игорёк – это просто друг... для здоровья, – с иронией пропела Света. – Во-вторых, у нас ничего серьезного не может быть, и видимся мы очень редко. А в-третьих, как-то поднадоел он мне, нужно что-то поменять...

– Вот такой ты мне нравишься гораздо больше, милая. Так что даже не раздумывай: иди завтра на встречу и используй все свое очарование. А где вы договорились встретиться?

– Да так... в «Дольче»...

– Мгм, – Света ясно представила, как сестра закусила

нижнюю губу, дабы сдержать язвительные замечания, – твоя идея?

– Ну да...

– Это там вы горланили караоке до трех часов ночи?

– Да-да-да! Именно.

Секунда многозначительного молчания.

– Даже не верится, что ты это сделала... То есть, ты решила – это самое подходящее место для мужчины этого статуса?

– Ой, Лена, сказала, что первое на ум пришло... Он так требовал ответа! Если не придет, значит, не судьба... В конце концов, – осенившая ее мысль немного уладила пыл эмоций, – он покажет свое истинное лицо в этом случае. И по поведению в чужой для него стихии можно будет сделать много выводов. Правильно? Ты ведь так говоришь, психолог?

– Эх, Света, ты не меняешься! Как тебя полюбит настоящий мужчина, если в любом нормальном человеке ты ищешь причины, чтобы послать его? – сердито буркнула Лена. – Не будет он сидеть в забегаловке! Скорее всего, вместо твоего «Дольче» пойдете в престижный ресторанчик со всякими необычными вкусами, которых тебе раньше и видеть не приходилось.

– Ой, Лен, боюсь, что поедание изысканных блюд в дорогом ресторане может дорого мне обойтись...

Опять падение до уныния! Да что же делать-то с ней?

– Сестричка, – пропела с сарказмом Елена, – то дорогое, чего всё это могло бы тебе стоить, ты потеряла еще в семнадцать лет. Терять уже нечего.

– Да ты что? – вдруг возмутилась та, удивляясь комментариям целомудренной сестры. – Я и думать не собираюсь соглашаться с ним...

– Да шучу я, дуручка, – послышался тихий смех. – Я поняла бы твои сомнения, если б он назначил свидание в каком-нибудь бункере на окраине города, – эта фраза развеселила Свету, и она согласилась с абсурдностью своих колебаний. – Так что смело отправляйся на встречу. Мне почему-то кажется, что ты не пожалеешь.

Хотелось увидеть звёзды... Ей всегда хотелось увидеть звёзды из этого окна! Но они прятались в янтарных лучах городской освещенности и надвигающихся темных тучах. Вот он – недостаток больших городов... в них слишком много искусственного, сделанного человеком... и именно это искусственное подавляет собой подлинное, сотворенное жизнью.

К утру, наверное, опять пойдет снег. Устроившись поудобнее на подоконнике, Светлана съежилась, вспоминая сегодняшнюю выюгу, и теплее закуталась в плед. Рядом с ней дымила чашка горячего чая с имбирем и мятой.

«Эх, Потёмкина, почему же ты постоянно бежишь от нужных встреч? Как будто чувствуешь возможные перемены к лучшему и боишься их. Сколько можно прятаться? Самой

не надоело?»

Да, всему есть оправдание: в душе – смятение и боль после предательства близких людей... Потому что пришлось начинать с нуля тогда, когда подруги и приятельницы уже нянчатся с детьми и неизбежно задают язвительный вопрос: «а ты когда?». И это до такой степени выводит из себя, что ты чувствуешь себя полной неудачницей, запойной одиночкой и вообще странной женщиной.

Уже пять месяцев, как после всех судебных и прочих разбирательств по своему разводу, она покоряет Столицу. Пять долгих месяцев, показавшихся ей длиннее, чем даже брак с Марком. Неудивительно, что порой ее посещали сомнения по поводу этих перемен: буквально в считанные дни она решилась рвануть в этот город, сбросив со своих плеч какую-то ношу и оставив ее позади за тысячу километров. И она успокаивала себя оправданиями – так нужно было для ее развития, для ее шагов вперед, для ее роста.

В ходе разборок с Марком, так часто вспоминаемых Светой, для нее все в их отношениях стало очевидным: они вместе провели время и обязаны были распрощаться, чтобы дать толчок новому началу. Причем, Света понимала, что она тоже должна освободить его от себя и от энергичного стремления двигаться вперед и вверх. Человек вправе сам выбирать, куда и каким путем ему идти.

Только вот ее намерения расстаться полюбовно пошли прахом. Марк устроил бурные разбирательства, приведшие

его к плачевному результату, хотя всё могло уладиться мирно. К тому времени, пока развернулся судебный процесс по разделу имущества, Света уже с легкостью смотрела на свое прошлое с ним – смотрела так, будто его вовсе не было, а вещи – это все, что их связывало.

Но так случилось, что по причине переживаний из-за развода, она допустила грубую ошибку в отчетах, и разочарованный начальник попросил ее написать по собственному. В главном офисе не терпели подобных оплошностей, за что требовали любых мер для наказания.

Неудачи всегда приводили ее в уныние, переходящее в затянувшуюся депрессию. Но в этот раз Света одним махом решила все проблемы: оставив жилье квартирантам под ответственность своей старшей сестры, она отправилась сюда, где ее ждала новая жизнь, в которую она всем сердцем верила!

И сейчас, казалось, Столица подкидывает на ее пути прекрасный способ начать все сначала – вступить в отношения с состоятельным и, по всей видимости, влиятельным человеком. И Света чувствовала, что именно так и будет, если она пойдет на свидание. Только она боялась использовать эту удачу, словно на самом деле под ней скрывался шаг в пропасть.

Конечно, она часто задавала себе вопрос: «Зачем нужно было уезжать из родного города?» Южный никогда её не восхищал. Потому хотелось не упустить шанс создать новую

страницу в своей книге.

Работы в столице валом, и быстро устроиться не составляло труда. Единственное, в чем на первых порах была загвоздка, так это отсутствие у Светы местной прописки. Поэтому ей пришлось потратить какое-то время на поиски учреждения, в котором ее все-таки согласились принять на работу.

Но денег, которые платили в банке, хватало впритык на месяц, поэтому порой ей становилось очень нелегко. Маленькую зарплату можно объяснить низкой рентабельностью банковского учреждения – уже не первый раз он находился на грани закрытия.

Стук входной двери выдернул из раздумий, и, спрыгнув с подоконника, Света отправилась допивать чай в своей комнате. Буркнув соседке «привет», пожелала исчезнуть из виду.

Они познакомились полгода назад, когда растерянная от здешней суеты новенькая провинциалка с полупустым кошельком сняла первую попавшуюся комнату, которую риелторы часто называют «бабушкин вариант».

Соседка оказалась своеобразной, и Света ненароком ее все время мысленно критиковала. Девятнадцатилетняя студентка по имени Карина по ночам подрабатывала официанткой в клубе, а днем иногда проводила время в институте, иногда – у парней, которых меняла по каким-то странным критериям «козел» – «олух» – «придурок»...

Да, если бы Светлана не замкнулась в себе после истории с

Катей, решившись преградить путь всевозможным «подругам» в свою жизнь, общение вполне могло сложиться.

«Значит, мне удалось выделиться из толпы»

В ушах эхом отдавал сердечный стук, в висках невыносимо давило, глаза искали свет в конце тоннеля, а точнее, коридора, уткнувшегося в дверь приемной... Что её ждет за этой дверью?

Позади остались маленькие мечты о заветных шести ноль-ноль, когда можно с радостью подскочить, набросить шубу и в танцующем ритме отправиться домой. Вместо танцев она мчалась сейчас в приёмную. И все дело в том, что в конце дня несчастную Потёмкину вызвали на «ковёр»?

Для того, чтобы попасть в кабинет управляющего, надо или быть значимой персоной, или серьезно в чем-то облажаться. Она и в лицо Борисовича не особо знала – он редко попадался на глаза сотрудникам, как будто руководил компанией с какой-то внеземной цивилизации.

Что? Что ты натворила, Потёмкина? Нагрубила кому-то из важных клиентов? Пропустила сумму в отчётах? Неверно заполнила данные? Вряд ли. Она слишком боялась потерять эту работу, пусть и ничтожную, совершенно бесперспективную, но везде старалась до идеального уровня.

«Уволены! Вы уволены!» – вопил в голове поглотивший её страх. Что тогда? С этой мыслью Света уже представляла себе возвращение тех злополучных дней, когда по восемь

часов в день приходилось счѣсывать подошву в беготне на собеседования, а дома заниматься рассылкой своего резюме.

Распахнувшиеся двери явили перед ней огромное кресло в торце длинющего стола, и Света почувствовала, как у неё задрожали ноги. На секунду остановившись в дверях, она продолжила своё движение только тогда, когда полноватый мужчина в сером костюме сделал ей знак пройти ближе.

– Здравствуйте, – выдохнула Потѣмкина и присела напротив своего босса, который в ответ на её приветствие только кивнул.

Все внимание Света пустила на изучение настроя в его глазах и не сразу заметила человека, сидевшего по противоположную сторону от нее.

– Светлана Арсеньевна, я позвал вас, чтобы поручить очень ответственное задание. Насколько я знаю, вы отлично справляетесь со своими обязанностями и уже зарекомендовали себя... – шеф запнулся и неуклюже загримасничал. – В общем, зарекомендовали. Сейчас вам нужно будет уделить особое внимание очень важному клиенту... – он с лёгкой улыбкой посмотрел на своего собеседника, – точнее, потенциальному клиенту, который интересуется нашими услугами.

В этот момент Света инстинктивно повернула голову и посмотрела на «важную» персону. Руки пришлось сомкнуть, чтобы скрыть их предательскую дрожь.

– Познакомьтесь, руководитель крупного торгового пред-

приятия «МаркетТрейдМод» Константин Юрьевич Ордынцев...

«Лучше бы меня уволили!» – подумала Света и виновато опустила глаза. Но тут же сообразила, что это не самый этичный вариант визуального контакта, набралась смелости и бегло посмотрела на Костю.

Его надменный взгляд просверлил её вполне заслуженным упреком, а после того, как она мгновенно покраснела, уставился на Андрея Борисовича. И ничего удивительного, ведь Света вчера всё-таки не пошла на свидание!

– Светлана, – продолжал шеф, – я хочу, чтобы вы рассказали Константину Юрьевичу...

И на этой чудесной нотке она куда-то «поплыла». Абсолютно всё, что находилось вокруг неё, медленно исчезало в зернистой ряби, и единственным чётким изображением оставался образ Кости, такого серьёзного и неподвижного. Голос шефа звучал, словно из какой-то огромной трубы.

Мгновенно успокоив волнение, Света осмелилась поднять взгляд на ухажёра, чтобы рассмотреть его при дневном свете.

Да, сегодня Константин покорял её одним своим присутствием. Костюм гранитного цвета, строгий стиль, роскошные часы на запястье. Но более всего её будоражил проникновенный взгляд зеленых глаз, обрамленных черными бровями.

«Так, Потёмкина, и что тебя в нём раздражает? – противно завопил внутри неё чей-то голос. – Посмотри вниматель-

ней... Наверное, стрижка этого красавца: волосинка к волосинке. Дотошный парень, небось. Зануда. Это сколько надо было времени утром потратить на эту укладочку?! Или в салон ходил?»

Но даже если и зануда, это казалось неважным. Константин обладал сильными чертами, что ощущалось даже на расстоянии.

«Да, Потёмкина, ты реально дура! – все же хаяла она себя. – Чего выпендриваешься? Ну ведь классный мужчина-то...»

Могла ли Света объяснить себе свою слабохарактерность? Могла. Потому что это решение внутри принял кто-то другой. И Света знала, кто это: запуганная трусиха, провинциалка и неудачница, которую ей так и не удалось из себя выгнать.

И это беспомощное существо, некогда вселившееся в неё, уносила куда-то прочь из этих стен энергетика импозантного и самовлюблённого самца, наверняка решившего поквитаться за её маленькую шалость. Почему нельзя было просто смириться и забыть?

Света зажмурилась при мысли, что могла заставить его безрезультатно ждать своего появления в ресторане. О! Ещё и в каком ресторане – о его уровне лучше умолчать... И это в тот момент, когда она имела стопроцентную возможность прийти! Да, Света действительно безумно хотела с ним встретиться, но та жалкая провинциалка внутри остановила

её в самый последний момент.

Естественно, в этом шквале мыслей и эмоций она упустила из внимания всё, что сказал ей шеф. Взглянув на Беляева, продолжавшего говорить всё в том же деликатно-приказном тоне, она мысленно попыталась собраться. «Так, Света, включай мозги, включай... быстренько...»

– ...именно с этими ключевыми моментами вам необходимо ознакомить Константина Юрьевича.

«Не успела».

– И, самое главное, Светлана Арсеньевна, – она заметила, как начальник считал ее имя с бумажки, о чём свидетельствовала и лёгкая запинка, – банк вам будет чрезвычайно благодарен, если господин Ордынцев продолжит сотрудничать с нами на взаимовыгодных условиях, – босс одарил своего гостя почтительной улыбкой. – Мы дорожим такими клиентами. Я надеюсь, вы все поняли?

Сказать «нет» – смерти подобно, и Света тут же приободрилась убедительным тоном.

– Да-да, конечно.

– Вот и замечательно. Пройдите в конференц-зал и обсудите все возможные кредитные программы.

Потёмкина не видела, как за её спиной Костя обернулся к управляющему и, многозначительно улыбнувшись, произнёс:

– Спасибо, Андрей... – отчество вылетело у него из головы, и он вопросительно посмотрел на товарища.

Тот махнул рукой, мол, какие проблемы, и достаточно умело скрыл улыбку.

В конференц-зале все оказалось подготовленным к переговорам: на столе лежали презентации услуг, бланки договоров и даже стоял включенный компьютер.

Света поняла, что настроиться на беседу времени не будет и, рассмотрев бумаги, она подняла на него глаза. Он стоял у окна, засунув руку в карман и бросив равнодушный взгляд на оживлённый проспект.

Занятая своими переживаниями, Светлана не имела представления, что он ещё в момент прощания с ней в тот вечер прекрасно понял, что она не придёт. «Зачем это мне? – вторил прагматичный мужской мозг. – Веду себя как подросток».

Но сердце почему-то вздрагивало и упрямо ожидало этой встречи. Влюблённость? О нет, ещё рано о таком! Странное внезапное влечение, причины которого оставались для него загадкой. А ведь Костя-то всегда прекрасно владел собой!

И ещё один интересный факт: у него сохранились приятельские отношения с однокурсником, занимающим должность управляющего банка, в котором работала Светлана. Эта уместная случайность порадовала Костю – ему удалось немного узнать о ней. Нужно всегда знать о тех, с кем собираешься иметь дело, – с недавних пор это правило стало для него золотым.

Да, её поступок вывел его из себя. Но женщины часто по-

ступают необоснованно глупо. Сейчас Костя старался оправдать новую знакомую беспардонным поведением Кристины. Какие ещё причины, чтобы зажиматься?

А больше всего Костя злился даже не на Свету, а на себя самого: почему он так придаёт значение всему происходящему? Да, взвыла гордыня, себялюбие: за что это она так со мной, таким хорошим? Возможно, она не из тех женщин, перед которыми мужчина готов стелиться... Наверное, сейчас ему просто хотелось поставить её на место.

Резко обернувшись к собеседнице, Костя наблюдал, как она пыталась создать занятый вид.

Перебирая на столе буклеты с кредитными программами, документы с шаблонами договоров и прочую ерунду, Света ожидала, что он сам начнёт беседу.

Он окинул взглядом кабинет, пряча за этой очевидностью попытку доскональной рассмотреть формы склонившейся над столом девушки. И в деловом стиле она казалась ему не менее привлекательной, чем в соблазнительном коктейльном платье. Строгая юбка длиной ниже колен, поверх блузы мятного цвета была надета тёмно-зелёная жилетка. Русые волосы собраны в тугий хвост, оголив изящную шею. И сейчас она обратила на него выразительный кареглазый взгляд, покоривший мужчину смиренностью. Но даже на расстоянии он видел, что на дне её глаз горит чувственность, способная в любой момент распалить вокруг себя пожар.

– Присаживайтесь, Константин Юрьевич, – её тихий голос

растворился в скрипе ножек отодвигающегося кресла.

Теперь она видела его походку – вальяжную и ровную. Походку уверенного в себе мужчины. Даже, правильнее сказать, – состоявшегося. Руки в карманах. Взгляд совершенно расслаблен и спокоен, краешки губ тронула лёгкая улыбка. Ироничная и тёплая. Ей казалось, что таким он есть ежеминутно. И таким он её притягивал к себе.

Тот Костя, который встретился ей позавчера, в джинсах и распахнутом пальто, обходительно порхающий вокруг неё и своей сестры, и заискивающе смотревший в глаза с надеждой на согласие, – тот Костя как-то не так интересовал. А вот этот... Константин Юрьевич... готовившийся устроить ей взбучку, упрекнуть в невыполнении обещания, нашедший ее по своим связям и организовавший такую внезапную и многозначительную встречу... Э-эх...

Костя приблизился к Свете настолько, что спрятать взгляд оказалось невозможным. Его забавляла её растерянность, и он смотрел на нее в ожидании объяснений.

– Так значит, на работу вы исправно ходите, – не двигаясь, Костя сверлил ее взглядом. – Значит, вы не заболели... в вашей семье не произошло никаких форс-мажоров. А, то есть вчера, могли прийти в заведение, где я вас ждал?

Кротко потупившись, Света молчала.

– Молчание – знак согласия. И все же могу узнать, почему?

– Я не смогла прийти, – ответила она и вдруг смело взгля-

нула на него. – Просто не смогла.

– Ничего не бывает просто так. Я могу узнать причины?

Какое-то время она колебалась с ответом, но потом вдруг посмотрела на него с яростной укоризной.

– Причина в том, что я вас боюсь! – это прозвучало так бесстрашно, что Костя не смог сдержать улыбки от противоречивости её тона и слов.

– Правда? – спросил с умилением он. – И почему же?

– Потому что вы – властный, влиятельный и давите на меня, – эти слова заставили Костю на какой-то миг почувствовать себя виноватым.

– Разве?

– А как иначе? Сначала вы настаивали на том, чтобы подвезти меня, хотя садиться в машину к незнакомцам я не имею привычки. Затем буквально вытребовали свидание. Теперь нашли по каким-то связям, устроили встречу через моего начальника, которого большая часть подчинённых и в глаза не видела... И пытаетесь что-то выведать, в чем-то упрекнуть. По-вашему, это мягко, Константин Юрьевич? – спросила она и пронзила его сердитым взглядом.

– Может, вы и правы, – он прошел по кабинету и остановился в трех шагах от нее. – Но эти аргументы не оправдывают вашу безответственность.

Это была дуэль. Словесная и мысленная. И каждый из них старался выдержать свою позицию.

– Да, возможно, я использовал связи и напористость, что-

бы разыскать вас... Как-то не по-взрослому это, вам не кажется?

– Константин Юрьевич... – деловитым тоном начала свою речь Света, но тот бесцеремонно её перебил.

– Теперь вы узнали моё отчество и решили постоянно приставлять его к имени?

Она опешила.

– А как мне вас называть? Я нахожусь на работе: вы – клиент, я обязана соблюдать этику.

– Ах, да, у вас есть возможность реабилитироваться и всё-таки подключить к нашему общению учтивость, – пошутил Костя и присел на стул.

Она перевела дух и заняла место за столом напротив него.

– Это прозвучит нахально, но я не мог не заметить, что вы мной заинтересовались. Но почему вы этого боитесь, честно говоря, совсем не понимаю. Не спорю, вполне вероятно, что я не обратил бы на вас внимания где-нибудь на улице или в супермаркете, – Свете показалась излишней эта откровенность, но для мужчины это такое достоинство – уметь говорить честно, что она заслушалась. – Но всё же я встретил вас, и вы действительно мне понравились. А ваш поступок... скажем так, немного вывел меня из себя. Тем более, женщины со мной так не поступали.

– Значит, мне удалось выделиться из толпы, – с ироничной улыбкой произнесла она.

– В общем так, Света, использую ещё раз свою напори-

стость с надеждой на вашу ответственность. Только место и время теперь буду назначать я. И в этот раз вы непременно придете.

От властного тона свело скулы, лицо вспыхнуло, и она готова была уже в ответ нахамить этому наглецу, как тут же осадила себя, ибо риск оказаться уволенной увеличивался в разы. Вот почему она игнорировала его порывы пообщаться – не хотелось ограничивать свободу действий, слов и мыслей. А в обществе этого вечного босса придётся или всё время молчать, или периодически схватывать оплеуху за беспардонность, непрестанно гулявшую на её дерзком языке.

– Вы согласны? – спросил он.

– Вы не оставляете мне выбора, – не шелохнувшись, выдавила из себя она.

– Почему? – опять уточнил он.

– Потому что я рискую остаться без работы, – с досадой в голосе ответила она.

Здесь Костя не смог сдержаться и, улыбнувшись, произнёс:

– Я не буду опровергать вашу мысль.

– Кто бы мог подумать.

Пропустив мимо внимания последний саркастический комментарий, он произнес:

– Значит, сегодня я заеду за вами без пятнадцати восемь. Будьте готовы к этому времени. Ваш телефон у меня уже есть, – он набрал ее со своего мобильного. – Буду признате-

лен, если адрес пришлётё по смс.

– Неужели я настолько ранила ваше самолюбие, что вы не поленились потревожить людей и потратить своё личное время на этот визит?

Прямолинейный вопрос всё же сорвался с её свободолоубивого язычка, и остановил Константина в дверях, заставив обернуться. Ах, какое облегчение сказать это вслух! В её карих глазах ликовала насмешка.

– Вы разнесли его в хлам, если хотите, – с угрожающей интонацией ответил он.

Вот как? Она, и правда, вывела его из себя! Почему-то это Свету невероятно обрадовало.

– Вам не понравилось место, где вы меня ждали?

Собственное ехидство её забавляло, а его выводило из себя.

– Сказать честно, я ожидал вас у его входа... А если, ещё честнее, в автомобиле.

Нет, это уже наглость! Да что же это за свидание?

– Тогда я вам скажу, – в негодовании выпалила она, – что я была там, в ресторане. Вошла с внутреннего дворика, через запасной вход. Вы не знали, что он там есть?

– Возможно, – улыбнулся Костя. – Но не понимаю сейчас, зачем вы лжёте. Внутри вас ожидал администратор, который подготовил по моей просьбе отдельную зону... мгм... тяжело её, конечно, назвать «ви. ай. пи», но всё же...

– Вы ему заплатили? – раздраженно спросила она.

– Сущие пустяки... – продолжал отшучиваться он. – И умоляю вас... – он поднял на неё высокомерно-насмешливый взгляд, отчего она второй раз за день почувствовала себя таракашкой, – не называйте это заведение рестораном.

«Ну ничего, вечером я тебе устрою! – мелькнуло в ее отчаянной голове. – А сейчас... стоп... сейчас работа!»

– Константин...

– Почему не Юрьевич?

Света ответила смущённой улыбкой.

– Я не могу вас просто так отпустить. Если вы уйдёте без подписанного договора, меня действительно могут уволить.

На последних словах её голос прозвучал настолько тихо, что Косте едва удалось её расслышать. Да что за крайности – то язвит, то дрожит, как кленовый лист.

– Света, прекратите меня бояться! – возмутился он и тут же уравнивал тон. – Простите... – извинительно прокашлялся. – Я ведь сказал, что вы мне симпатичны! А тех, кто мне нравится, я не обижаю.

Её лицо исказило негодование, и Света ехидно выпалила:

– То есть, пока я вам нравлюсь, то могу оставаться спокойной.

– Не беспокойтесь, я объяснюсь с Андреем.

Его умиляла её эдакая ответственная наивность. Андрей сказал, что ей двадцать семь лет? Но, на первый взгляд, кажется только окончившей ВУЗ студенткой. Нет, не по развитию, а по эмоциональному фону – столько удивительных

опасений, некая зажатость в общении с мужчинами, даже с Борисовичем. Как будто на работе впервые. То выдавливают из себя слова, словно её сковало от страха, то говорит настолько прямолинейно, что ему, бесстрашному Константину Юрьевичу, становится не по себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.